Одиссея
Пола
Маккартни

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Издание включает в себя: дайджест интервью Пола Маккартни 1962-2002гг., в котором артист рассказывает о переломных периодах своей творческой биографии, комментарий, статьи, сольная дискография.

- В. Бокарев. Одиссея Пола Маккартни
  - Маэстро из Ливерпуля
  - Пол Маккартни. Откровения
    - Истоки
    - «Битлз»: взгляд изнутри
    - Жизнь после «Битлз»
    - «Антология «Битлз»: назад в будущее?»
    - Моя семья
  - Линда Маккартни. На крыльях любви
  - Paul Is Live
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69

- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100

В. Бокарев. Одиссея Пола Маккартни

Маэстро из Ливерпуля

Рок — музыка… Пожалуй, ни одно явление музыкальной культуры двадцатого века не вызывало столь противоречивых оценок: восторженность одних и негодование других. Рок популяризировали и запрещали, возводили на пьедестал и предавали анафеме.

В наши дни рок — музыка переживает трудные времена. Новых звезд почти нет. Вот почему люди проявляют повышенный интерес к рок — наследию. Кто заново, а кто впервые открывает для себя имена, вошедшие в золотой фонд рока. Боб Дилан, Пол Саймон, «Роллинг Стоунз», «Пинк Флойд», «Лед Зеппелин», «Дорз» и, конечно, «Битлз».

В чем же секрет устойчивой популярности ливерпульского квартета? В истории рок — музыки было немало талантливых и самобытных артистов. Но именно музыканты ансамбля «Битлз» — Джон Леннон, Пол Маккартни, Джордж Харрисон и Ринго Старр ярче других исполнителей выразили в своем творчестве протест против бездуховности технократического рая и стремление человека к обновлению мира. «Великие дилетанты» любили сравнивать себя с медиумами, способными интуитивно улавливать музыку жизни.

Тридцать лет назад «битлзы» выпустили концептуальный альбом «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» («Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера»), который стал классикой рок — музыки. Идея пластинки и большинство композиций принадлежали Полу Маккартни. Тема отчуждения личности и желание молодежи вырваться за пределы порочного круга холодного рационализма и меркантилизма получили воплощение в его песне «She's Leaving Home» («Она уходит из дома»).

В среду, в пять часов утра, едва забрежжил рассвет,
Бесшумно закрыв двери спальни,
Оставив записку, которая все объяснит,
Она спускается вниз по ступеням,
Сжимая в руке платок.
Повернув осторожно ключ в замке,
Выходит из дома, чтобы стать свободной.
Она (мы отдали ей большую часть своей жизни)
Уходит (дали все, что только можно купить),
Она уходит из дома
После долгих лет одиночества.
До свиданья. До свиданья.

Отец еще спит, мать надевает халат,
Случайно находит письмо.
Остановившись на лестнице,
В смятенье кричит мужу:
«Отец, наша дочка ушла!
Как могла она поступить так бездушно?»
Она (мы никогда не думали о себе)
Уходит (всю жизнь мы старались, чтобы ей было лучше),
Она уходит из дома
После долгих лет одиночества.
До свиданья. До свиданья.
В пятницу, в девять часов утра, она уже далеко.
Ждет назначенной встречи
С мужчиной из автопарка.
Она (что мы делали не так)
Уходит (мы не знали, что поступаем плохо)
Из дома (счастье за деньги не купишь) —
Столько лет ей не хватало свободы.
Она уходит из дома. До свиданья. До свиданья.

Страстный призыв к состраданию униженным и обездоленным звучит и в более ранней балладе Маккартни «Eleanor Rigby» («Элинор Ригби»). Великолепная мелодия, пронизанные трагизмом строки создают неповторимый образ страдающего человека в окружающем равнодушном мире.

Посмотрите, как много вокруг одиноких людей.
Элинор Ригби подбирает рис в церкви,
Где недавно было венчанье.
Живет как во сне.
Надеясь на чудо, украдкой смотрит в окно.
Ждет. Но кого?
Все эти одинокие люди,
Откуда они приходят в наш мир?
Отец Маккензи сочиняет проповедь,
Но слов ее не услышит никто.
Никто не придет
Даже взглянуть на него,
Не спросит, как он живет.
О чем его мысли?
Все эти одинокие люди,
Откуда они приходят в наш мир?
Посмотрите, как много вокруг одиноких людей.
Элинор Ригби умерла прямо в церкви.

Искры надежд погасли.
Никто не пришел.
Лишь Отец Маккензи стоит у могилы,
Задумчиво глядя вдаль.
Никто так и не был спасен.
Посмотрите, как много вокруг одиноких людей.

В творчестве ливерпульской четверки отразилась вся палитра человеческих чувств. Песня Пола «Yellow Submarine» («Желтая субмарина»), в которой он вспоминает о детских мечтах, превратилась в символ духовных исканий миллионов людей, растопив в их сознании айсберги «холодной войны».

В городе, где я родился, жил да был один моряк.
Он часто рассказывал нам истории
О своей жизни в стране субмарин.
Мы очень долго плыли к солнцу,
Пока не открыли зеленое море.
Жизнь под волнами была так прекрасна
В нашей желтой субмарине.
Когда вокруг только друзья,
Любая опасность ничуть не страшна
И звуки оркестра согревают сердца.
Мы жили свободно и беззаботно,
Каждый имел все, что хотел:
Синее небо и зеленое море
В нашей желтой субмарине.
Мы все живем в желтой субмарине.[1]

Песни «Битлз» обладают поистине магической притягательной силой. Мода над ними не властна. Музыка «Битлз» — духовный источник, из которого человек черпает вдохновение, веру, энергию. Она очищает душу и помогает преодолеть испытания судьбы.

Длинный тернистый путь, ведущий к тебе,
Никогда не исчезнет. Я все еще помню,
Как он приводил меня к твоей двери.
Ужасная ночь смыта дождем.
Следы исчезли в потоке слез.
Почему ты ушла, не оставив надежды,
Дни ушли как вода в песок.
Неужели разлуке быть вечной.

Приведи меня к своей двери.

«The Long And Widding Road»

(«Длинный тернистый путь»)

За годы после распада «Битлз» Пол Маккартни многое пережил: творческие находки и неудачи, взлеты и падения «Уингз», восторги поклонников и гневные тирады критиков, горечь утраты близких и семейное счастье.

Добро, Свобода, Любовь, Ненасилие, Милосердие — вот принципы жизненной философии музыканта. Он живет в согласии с природой и самим собой. В его размышлениях о сути человеческого бытия нет ни идеологического схематизма, ни богемного эстетства.

Серьезную тревогу вызывает у Маккартни процесс размывания гуманистических и демократических традиций рок — культуры. Он не приемлет доминирующие на современном музыкальном рынке примитивизм и вульгарность, глупые поп — шоу и сатанинские шабаши некоторых металлических групп. Никакие новейшие технические изобретения и спецэффекты, стоящие баснословных денег, не могут скрыть духовную нищету посредственности. Воспроизводится и тиражируется тип обезличенного робота. Эпатаж пошлости и цинизма. Мертвая музыка тьмы.

На проходящих с аншлагом концертах Маккартни [2] не увидишь уродливых зрелищ и безликой агрессивной толпы. Музыканта и слушателей объединяет любовь к прекрасному — живой музыке, необходимой им, как глоток чистого воздуха. Немногие рок — звезды могут сегодня позволить себе смелость отстаивать вечные духовные ценности.

Не утратил Пол и критического отношения к политиканам и снобам. Один из богатейших людей Англии, он так и не стал «своим» в кругах элиты. Пол способен пойти наперекор укоренившимся в массовом сознании стереотипам, не боясь прослыть «белой вороной». Песни Маккартни «Give Ireland Back To The Irish» («Верните Ирландию ирландцам»), «Ebony And Ivory» («Черное дерево и слоновая кость»), «Pipes Of Peace» («Трубки мира») имели в обществе сильный резонанс.

Особенно нашумевшей была история с песней «Give Ireland Back To The Irish», которая вышла отдельным синглом 19 февраля 1972 года. В ней Пол открыто осудил репрессии британского правительства против коренных жителей Северной Ирландии. Реакция официальных властей не заставила долго ждать. Песню

протеста запретили транслировать по радио и телевидению. Несмотря на это, «Give Ireland Back To The Irish» пользовалась колоссальным успехом и заняла первые места в хит — парадах многих стран мира, еще раз доказав, сколь велика роль музыкантов в создании независимого общественного мнения.

Примечательно, что в тот год и Джон Леннон посвятил ирландской теме две песни — «Bloody Sunday» («Кровавое воскресенье») и «The Luck Of The Irish» («Участь ирландца»). Сострадание к людям и непримиримость к насилию объединяют художников.

Пол не политик, но он отнюдь не безразличен к людским бедам. Маккартни постоянный участник фестивалей и концертов, организуемых в помощь голодающим, больным и сиротам, в защиту окружающей среды, против расизма. Сможет ли человечество избавиться от насилия, войн, расизма? Избежит ли мир экологической катастрофы? Есть ли шанс остановить нравственную деградацию? Эти вопросы волнуют музыканта и занимают важное место в его творчестве и жизни.

Когда порой на душе тяжело,
Дева Мария является мне.
Ее слова вселяют надежду…
Если люди, чье сердце разбито,
Смогут все же к согласью прийти,
Они увидят однажды свет истины
И поймут, что наш мир един.
Пусть будет так!

«Let It Be»

(«Пусть будет так»)

Пол понимает, что источник закабаления и спасения находится в самом человеке.

Черное и белое
Существует в природе в гармонии,
Словно клавиши на рояле.
Господи! Почему же люди не могут жить так же?
Люди повсюду очень похожи.
Нет высших и низших рас.
Добро и зло есть в каждом из нас.
Давайте научимся понимать и любить друг друга.
Только вместе сумеем мы выжить.

«Ebony And Ivory»

(«Черное дерево и слоновая кость»)

В единстве с природой и во внутреннем преображении видит музыкант путь человека к себе.

Черный дрозд поет в ночной тишине.
Возьми его крылья и попытайся взлететь.
Всю свою жизнь
Ты ждал этого мгновенья.
Черный дрозд поет в ночной тишине.
Взгляни на мир с высоты.
Всю свою жизнь
Ты мечтал о свободе.
Лети, черный дрозд, лети!
В пламя звездной ночи.

«Blackbird» («Черный дрозд»)

Маккартни активно сотрудничает со многими известными исполнителями. В записи его сольных альбомов принимали участие Карл Перкинс, Стэнли Кларк, Ринго Старр, Фил Коллинз, Пит Таунсенд, Эрик Стюарт, Дэйв Гилмор, Тревор Хорн. Наиболее удачными оказались совместные работы Пола со Стиви Уандером, Майклом Джексоном и Элвисом Костелло.

Но, бесспорно, самым значительным событием в творческой биографии артиста последних лет стала «Ливерпульская оратория», написанная им вместе с американским композитором Карлом Дэвисом. Произведение посвящено 150–летию Королевского ливерпульского филармонического оркестра. Премьера оратории состоялась летом 1991 года в здании англиканского собора Ливерпуля. Главные вокальные партии исполнили Кири Те Канава и Джерри Хадли. Успех превзошел все ожидания. Оратория стала подлинной вершиной в творчестве композитора, раскрыв новые грани его таланта.

Обыденное сознание любит возводить искусственные барьеры между различными музыкальными направлениями, стараясь свести все их многообразие к примитивному и часто произвольному делению на музыку серьезную и легкую. Правда, сами музыканты в большинстве своем относятся к работам коллег уважительно. Ведь написать совершенную песню ничуть не легче,

чем симфонию. Еще в годы существования «Битлз» «серьезные» музыканты делали интересные аранжировки песен ансамбля в классическом стиле. Да и «битлзы» под влиянием звукорежиссера Джорджа Мартина нередко использовали приемы и инструменты, характерные для классической музыки. Так что обращение Пола Маккартни к жанру оратории выглядит вполне закономерно. Музыкант продолжает экспериментировать, не ограничивая себя жесткими рамками одного стиля.

Изящные мелодии, оригинальные импровизации, выразительный, хорошо узнаваемый голос, артистизм, мозаика стилей — в этом весь Маккартни.

Материалы настоящего сборника предоставляют возможность отечественному читателю более глубоко познакомиться с внутренним миром и творчеством маэстро.

Скользить по поверхности — это так скучно. Для тех, кому интересны глубины, всегда найдется место на борту «Желтой субмарины». Поиски сокровищ рок — н–ролльного моря — волшебных мелодий и таинственных ритмов — продолжаются.

В. В. Бокарев

Пол Маккартни. Откровения

Истоки

Первое мое знакомство с музыкой произошло благодаря радио. В те годы постоянно звучали мелодии Фрэда Астера [3], Кола Портера [4]. Я обожал фильмы с участием Астера. К счастью, их и сегодня можно увидеть по телевизору. Смотрю и не перестаю восхищаться. Какие потрясающие аранжировки! Вроде бы мы делаем то же самое, но насколько у них выше класс! А какая блистательная хореография — теперь такого уже не увидишь. Конечно, тогда во все вкладывалось больше денег, но надо отдать должное: уровень профессионализма музыкантов того времени был значительно выше. Многие, в том числе и я, оглядываясь назад, с восхищением говорят: «Да, вот это класс!».

Как — то нам довелось услышать несколько песен. Они разительно отличались от того, к чему мы привыкли. В Англии их первым начал исполнять Лонни Донеган [5]. Одновременно к нам пришла музыка из Америки. Чак Бэрри [6], Фэтс Домино [7], Литтл Ричард [8], Элвис [9], Джин Винсент [10], Эдди Кокрэн [11].

Наибольшее влияние на меня оказали Элвис Пресли, Литтл Ричард и Бадди Холли [12].

Музыка звучала повсюду. В Ливерпуле оценили выдающихся гитаристов, исполнявших блюз и рок — н–ролл намного раньше, чем они стали популярны в Америке. Кроме того, были еще и песни из бродвейских шоу. Эти песни нравились матросам. Если собрать вместе все музыкальные впечатления, то можно понять, что оказало на меня влияние. Это была вся услышанная мною музыка, начиная от Фрэда Астера и кончая Литтлом Ричардом. Прекрасное было время!

Услышав однажды Литтла Ричарда, я начал ему подражать. Устраивался потихоньку в одном из пустых классов в школе и пел, имитируя его манеру. Я настолько увлекся этим занятием, что превратился в настоящую копию Ричарда. Позже я научился изображать Фэтс Домино, Элвиса и других певцов. (Улыбается.) Я и сейчас могу. «Я бреду, действительно…» (Подражает Фэтс Домино). «Благодарю Вас, леди и джентльмены…» (Подражает Элвису Пресли). Это Элвис.

Если я был в плохом настроении, то ставил пластинку Элвиса и сразу же чувствовал себя великолепно, изумительно — я не понимал, как делаются эти пластинки, просто волшебство какое — то. «All Shook Up!» (Ох, до чего же здорово!)

Впервые выйдя на сцену, я спел «Long Tall Sally». Было мне тогда лет 14 или даже 11. Родители взяли меня с собой в лагерь отдыха Батлинз в отрогах Уэльса. Там проводились всевозможные конкурсы, а организацией такого рода развлечений занимался муж моей двоюродной сестры. Вот он — то и вытащил нас с братом Майком на сцену. Уж и не знаю, почему у меня под рукой оказалась гитара. Может все — таки я сам заранее обо всем договорился со своим родственником… Ну, в общем, вышли мы с Майком, а братишка только начал поправляться после перелома руки. Стоит он на сцене бледный, как полотно, рука на перевязи. Что мы с ним пели, уже точно и не припомню. Кажется, «Bye Bye Love». Да, верно — «Bye Bye Love»; а закончили выступление песней «Long Tall Sally».

Песня «Long Tall Sally» была из тех вещей, которыми я увлекался в то время. Мне бы и в голову не пришло взять для финала что — нибудь другое. Правда, одно время у нас в ходу была песня «What'd I Say?». А позже я придумал сумасшедший вариант «Hey Bob A Rebop». Эта песня здорово заводила аудиторию. (Поет «Hey Bob A Rebop».) На нее реагировали так же горячо, как и на «What'd I Say?». Но ни та, ни другая так и не стали сильнее «Long Tall Sally». Поэтому я до сих пор исполняю ее.

Потом появились фильмы, такие как «Rock Around The Clock», «Don't Knock The Rock», «Twist And The Clock», «Girl Can't Help It». Помню как — то раз собрались мы с Джорджем (Харрисоном) [13] посмотреть «Black Board Jungle». А на фильм дети по 16 лет не допускались. Мне — то уже исполнилось 16, а вот с Джорджем были проблемы. Ему — то 15. Мать Джорджа говорила нам: «Все равно вы в кино не попадете». А мы — в ответ: «Не волнуйтесь, уж как — нибудь мы его протащим».

Вышли на задворки, и Джордж подмазал грязью слегка пробивавшиеся у него усики. Завершив операцию, мы решительно двинулись в кинотеатр. На входе, стараясь говорить басом, я небрежно бросил контролеру: «Можете быть уверены, ему уже стукнуло 16…».

В фильме была песня «Big Haby». Вот ради нее мы и пришли.

С раннего детства я увлекался пением, любил красивую музыку. Помните прекрасные старые песни: «White Christmas» и «Over The Rainbow». Определенное влияние на меня оказывал отец. Он много музицировал, отдавая предпочтение старому джазу — «Stairway To Paradise» и «Chicago». Когда ему было 25, он даже имел собственную группу «Jim Mac's Band». Правда, в итоге отцу пришлось ее покинуть: у него начались нелады с зубами, и он уже не мог играть на трубе.

Особого желания играть в группе у меня не было, просто хотелось заниматься музыкой в свое удовольствие. Вот однажды отец и подарил мне на день рождения трубу. Я пытался научиться на ней играть, но, увы, лишь травмировал губы. Знаете, учась игре на трубе, приходится проходить через весьма болезненный период, позже губы грубеют. Но я, к счастью, вовремя понял, что если буду играть на ней, то не смогу петь. Вот и решил, что лучше остановить свой выбор на гитаре, которая тогда только входила в моду.

Я обменял трубу на гитару и с радостью притащил ее домой. Взяв впервые в руки этот инструмент, я почувствовал, что что — то не так. Мне было очень неудобно. Но стоило мне перевернуть гитару, как все встало на свои места. Так я открыл для себя, что я — левша.

Моя тетушка Милли, услышав, как я играю на гитаре и напеваю какой — то странный мотивчик, с изумлением воскликнула: «Знаешь, у тебя получается похоже на Джека Бьюкенена!» Выше похвалы для меня тогда и быть не могло. Ведь я боготворил старика Джека.

Когда у тебя есть гитара и ты умеешь на ней играть, тобой начинают интересоваться различные группы.

Как — то мы с моим приятелем Айвэном (Воганом) пошли на деревенскую ярмарку, где играл Джон (Леннон) со своей группой «Куорримэн». Происходило это в местечке Вултон в Ливерпуле. Выглядели они неплохо. Джон играл на гитаре, но брал аккорды, как на банджо: по — другому не умел. Он пел «Come Little Darling», «Come And Go With Me», «The Del Viking», «Come Go With Me». Остальные соображали еще меньше и просто бренчали, как могли. Джон пристально глазел на зрителей. Потом он сказал мне, что впервые пытался оценить реакцию аудитории. Джон редко знал тексты исполняемых песен, и на ходу придумывал свои собственные слова. Получалось у него это здорово. После выступления я поговорил с ребятами, и конечно, постарался блеснуть. За кулисами я нашел пару песен, записал их слова и показал, как играть «Twenty Flight Rock». Мой репертуар составляли несколько песенок Литтл Ричарда. Помню, как один из парней сказал, что «Twenty Flight Rock» его любимая вещь. Я понял, что он соображает!

Ему было 16, а мне всего 14. Я показал ему несколько аккордов, которых он не знал. Я чувствовал, что произвел впечатление. В общем, оказался для Джона в тот момент просто находкой. Его группа мне тоже понравилась, она была что надо. Сам Джон, казалось, был выпивши. Я о нем так и подумал: «Славный малый, жаль, что навеселе». Вот как произошло наше

знакомство.

Позже, катаясь на велосипеде все по тому же Вултону я повстречал приятеля Джона Пита Шоттона. Он сказал мне — «Ребята не прочь взять тебя в группу. Ну как?» «О, да, конечно, — ответил я, — это было бы здорово!» Мы договорились о встрече — вот так я и попал в группу.

«Битлз»: взгляд изнутри

Сначала я только играл на гитаре. Первый концерт с моим участием состоялся в Клубе консерваторов на Бродвее. В Ливерпуле, как и в Нью — Йорке, есть такой районч ик. У меня было большое соло. Увлекшись, я буквально разломал гитару. Играть было не на чем, я чувствовал себя полным идиотом. Пришлось перейти на ритм — гитару.

Во время поездки «Битлз» [14] в Гамбург у меня была обычная дешевая электрогитара, но и ее постигла та же участь. На одном из концертов она разлетелась на куски. После этого мне пришлось сесть за пианино. Так я и менял инструменты: бас — гитара — соло — гитара — ритм — гитара — пианино. В то время на мне держалось несколько концертных номеров: «Don't Let The Sun Catch You Crying» Рэя Чарльза [15] и «High School Confidential» Джерри Ли Льюиса [16].

Когда из группы ушел бас — гитарист Стюарт Сатклифф [17], он оставил свой инструмент мне, и я несколько недель играл на нем. Басовые струны попадались тогда редко и были дороговаты, пару фунтов за штуку, поэтому Стюарт использовал для своей гитары фортепьянные.

За поездку в Гамбург я смог собрать деньги на хофнеровскую бас — гитару, с которой потом и получил известность. Эта гитара стала предметом моей гордости, звук у нее был великолепный. Глядя на меня, многие ребята стали покупать именно хофнеровские гитары.

Вернувшись из первой поездки в Гамбург, я по настоянию отца отправился на биржу труда искать работу. Меня взяли запасным на грузовик. На почте я уже поработал на прошлое Рождество, вот и решил испробовать что — нибудь новенькое. Фирма называлась «Срочная доставка» и занималась рассылкой почтовых отправлений в доках. Я садился на первый утренний автобус, отправлявшийся туда, покупал газету «Дейли миррор» и изо всех сил старался стать настоящим рабочим парнем, хотя на самом деле оставался по — прежнему «институтским пудингом».

Я ездил в кузове грузовика и помогал разносить посылки.

Сил нет, как это все иногда надоедало. По дороге в Честер я то и дело засыпал. Проработав около двух недель, почувствовал себя спокойно — у меня была работа и несколько фунтов в кармане. Но потом меня уволили. Прошло Рождество, и я снова оказался на мели.

Отец опять взялся за свое. Он твердил, что группа — это, конечно, очень мило, но на жизнь я так не заработаю. Я готов был уже согласиться с ним, если бы не поклонники, которые нет — нет да и напоминали, что мы все же способные ребята, что мы им нравимся, что из нас должен получиться толк, и настроение поднималось.

Я нашел другую работу. Стал намотчиком в фирме «Масси и Коггинз». Я должен был нацепить на себя защитную робу из ослиной кожи, встать над лебедкой и наматывать полторы электрических катушки в день, в то время как другие умудрялись сделать по восемь, а то и по четырнадцать. Но уж зато перерывы были чистым блаженством. Нам давали хлеб с джемом, а потом мы с ребятами гоняли в футбол во дворе, сильно смахивавшем на тюремный. Иногда я вспоминаю, как это все тогда происходило — как поначалу я работал дворником, подметал мусор и считал, что так и надо. Но как — то раз парень из бюро обнаружил, что у меня есть документы об образовании, и это возбудило его подозрения — он решил, что у меня какие — то нелады с полицией. Потом он убедился, что со мной все в порядке, успокоился и предложил работу получше — наматывать катушки. Пообещал, что если я буду стараться, то не пожалею. Вот я и стал мечтать, как постепенно, работая все лучше и лучше, продвигаюсь вверх и становлюсь управляющим. Надо только вкалывать. А пока за то, что я наматывал катушки и варил чай, мне платили 7 фунтов в неделю. Наша группа снова начала выступать, но мне как — то не очень хотелось тратить на это полный рабочий день. Я продолжал наматывать катушки и смывался к ребятам только на обеденный перерыв или когда болел. Но в конце концов катушки я бросил. Проработал там всего два месяца. Мне почти понравилось быть рабочим.

Мало — помалу мы с Джоном стали сочинять. Но это отнюдь не означало, что абсолютно все было написано нами совместно, лишь процентов 80. Остальные 20 — это моя «Yesterday» и «Strawberry Fields», которую Джон написал практически один.

Я думаю, что самое важное — постоянно много играть, играть столько, сколько можно. Мы с Джоном написали около 30 песен, до того как у нас получилось что — то путное. Если бы мы бросили все на 29–й, то вероятно, «Битлз» никогда не появились бы.

Когда я начинал писать музыку, то пользовался гитарой. Самой первой моей песней стала «My Little Girl» — довольно забавная, миленькая, но банальная вещица на основе трех аккордов (G, G7 и C). Потом мы приобрели пианино, я принялся бренчать на нем. Лет в 16 я написал «When I'm Sixty — Four» [18]. Сочинив мелодию этой песни, я смутно почувствовал, что она могла бы пригодиться в мюзикле или в чем — нибудь еще. Но в то время такой карьеры я не мог себе даже представить.

Итак, я стал сочинять на пианино, но позднее у меня вошло в обычай пользоваться обоими инструментами. Что делаю и сейчас. Работая над песней, я то беру в руки гитару, то сажусь за пианино. Все зависит от того, какой инструмент под рукой в данный момент.

Мне проще писать музыку, чем слова. Но сочинение песни может начаться и с того и с другого. У меня нет готовой схемы. Обычно сперва приходит музыка, а затем я подбираю для нее слова. Если везет, то и музыка и слова приходят вместе. К «All My Loving» [19] я сначала придумал слова, а потом уже подобрал мелодию. А вот «Yesterday» возникла как мелодия, на которую позже легли слова. Оригинал звучал так: «Скрэблд эг, оу май бэйби, хау ай лав е лэг» («Яичница — болтушка, милая, как я люблю твою ножку»). Я напевал мелодию… И лишь позже удалось найти нужные слова. Говорю вам, каждый раз по — разному. Я долго просто наигрывал мелодию всем и вся и спрашивал: «Ну, как?» Играл по слуху, напевал, а ребята сказали: «Пойдет. Займись этим». Вот мы с Джорджем Мартином [20] и взялись за дело. Я хотел использовать для аранжировки звучание струнных. Джордж предложил: «А как насчет струнного квартета?» Я согласился: идея была замечательная. Мы сели за фортепиано и в итоге добились желаемого результата.

Я действительно считаю, что «Yesterday» — лучшее, что я написал. Не знаю почему, но думаю, когда вы сидите в баре и пианист наигрывает «Yesterday»… Я был как — то в магазине на Реджент Стрит в Лондоне, выбирал свитер, приглядывал подарки к Рождеству. В фойе играл пианист, он исполнял хиты Ноэля Коуарда. Работал с полной отдачей. Когда я, наконец закончил свои дела, то знал уже весь его репертуар. Уходя, я поблагодарил его, и пианист ответил: «Всегда рады вам». Видимо, моя признательность тронула его, к тому же он узнал меня — когда я выходил, он начал играть… (Напевает мелодию «Yesterday»).

Песня имела наибольший успех. Но я люблю ее не только за это. Она написана действительно по вдохновению. Проснувшись утром, я сел за пианино, стоявшее рядом с постелью, и просто сыграл мелодию. Я был безумно горд, чувствовал, что музыка

оригинальная, ни на что не похожая. Настоящая музыка.

Надо мной даже подсмеивались из — за этой вещи. Помню, Джордж (Харрисон) сказал: «Чтоб мне провалиться, он постоянно говорит о «Yesterday», причем так, словно он — Бетховен [21] или кто — то еще из великих». Но это действительно моя самая совершенная вещь.

Она легко запоминается, но совсем не слащава. При сочинении песен бывают мгновения, когда ты, кажется, постигаешь самую суть вещей, и тогда возникает произведение завершенной формы, без единой трещинки или вмятины.

Помню, старина Мик Джеггер [22] сказал: «О, хотел бы и я так петь». Тогда, увы, он не мог, но позже голос у Мика стал лучше.

Я люблю баллады и знаю, что людям они тоже нравятся. Но вот тяга слушателей к песням о любви приводит меня в уныние.

Мне нравится «In My Life». Джон написал слова, а я музыку. Нельзя выделить какую — нибудь одну песню, их много. «Norwegian Wood» написана, в основном, Джоном. «Eleanor Rigby» — прекрасная песня.

Не стоят ли в песнях «Michelle», «Uncle Albert», «Eleanor Rigby» за некоторыми образами конкретные люди? Дядя Альберт действительно существовал. Так звали моего родного дядюшку, который, выпив, начинал цитировать всем Библию. Хороший был человек, к сожалению, он уже умер. Мишель — всего лишь имя. Как, впрочем, и Элинор Ригби. Я чувствовал, что песня «Michelle» должна звучать на французский манер (имитирует Шарля Азнавура [23]). Жена моего друга преподавала французский язык, и я попросил ее наговорить несколько фраз, из которых выбрал наиболее удачные сочетания слов.

В песне «She Loves You» мы с Джоном вставили рефрен: «Она любит тебя, е — е–е…». А вот идея закончить аккордом принадлежит Джорджу Харрисону. Прослушав песню, Джордж Мартин оценил ее так: «Смешно и очень старомодно». На что мы решительно возразили: «Да, но звучит ведь здорово, верно?» И он согласился.

Когда мы впервые пришли в студию, чтобы записать «Love Me Do», там был фотограф Дезо Хоффман: нам понадобились рекламные фотографии, и он должен был отщелкать несколько черно — белых кадров. Джордж Харрисон решительно этому воспротивился, потому что у него сиял фонарь под глазом. В клубе «Кэверн» кто — то ему зафинтил из ревности как следует. Так или иначе, но мы стали записывать «Love Me Do». Начали играть (поет): «Love, love me do/you know I love you». Я пою вторым голосом, а потом идет «pleeeaaase» — стоп. Тут Джон начинает «Love me», подносит ко рту губную гармошку и играет

«waa, waa, waa». Но Джордж Мартин закричал: «Постойте, постойте, вы перепутали, кто что должен делать! Один пусть поет «Love Me Do», потому что нельзя петь «Love me wahhh». Иначе и песню придется назвать «Love me wahhh». Поэтому, Пол, пожалуйста, пой «Love Me Do»". Господи! Только этого еще недоставало! Он перепутал нам все карты! Мы продумали этот вариант уже давным — давно. Джон должен был пропустить эту строчку; он пел: «Pleeeaaase», потом брал губную гармошку, и я пел «Love Me Do», а Джон включался со своими «Waah, waah, waah». Мы постоянно делали так на сцене, и ничто друг на друга не накладывалось! А теперь ни с того ни с сего мне поручается такое соло прямо во время записи нашей первой пластинки, без всякого фона, когда все замирает, юпитер направлен только на меня одного… В результате я и спел дрожащим голосом: «Love me do — o–o — o». По сей день при звуках этой пластинки слышу свой дрожащий голос. Я оцепенел от страха. Когда мы вернулись в Ливерпуль, Джонни Густафсон из группы «Биг Три» сказал мне: «Ты должен был дать Джону спеть эту строчку». Конечно, ведь Джон пел ее лучше меня: у него был низкий голос и пел он, если можно так выразиться, более «блюзово».

Еще я помню огромные белые экраны студии — вроде щитов на крикетных полях, — они так и нависали над нами. Бесконечная лестница вела в аппаратную. Аппаратная была все равно что небо, на котором обитают боги, а мы, жалкие существа, ютились внизу. Господи! Нервы были напряжены до предела! Однако все получилось, и с этого момента мы приобрели некоторую уверенность в себе. И даже начали в конце концов понимать, что же такое звукозапись. Джордж Мартин в первые дни крепко нам помогал; он был верховным руководителем, мозговым центром. Но шло время, и жалкие работяги помаленьку стали брать дело в свои руки. Иногда мы даже говорили: «Мы сегодня опоздаем, Джордж, и, может быть, ты нам не понадобишься. Так что смотри — мы, наверное, и сами справимся».

Главным для нас всегда были записи. Важнее, чем телевидение и кино. Конечно, мы думали, что, если станем звездами, телевидение и кино исключить нельзя, но главной нашей целью оставались пластинки, альбомы. Именно их мы покупали, именно к этому стремились. Альбомы — это, если хотите, музыкальная валюта.

Я попытался изобразить блюз в песне «Love Me Do». Но получилась «белая» музыка — неизбежный финал таких пластинок. Ведь мы — белые и начинали всего — навсего как молодые ливерпульские музыканты. Мы не владели никакими

тонкостями, и воссоздать «черный» звук нам было не под силу. Но «Love Me Do», конечно же, первая наша блюзовая попытка.

Песню «I Saw Her Standing There» я написал с Джоном в передней нашего дома, на Фортлин — роуд 20, в Аллертоне. Мы прогуливали занятия и сочинили эту песню, аккомпанируя себе на гитарах и немного подыгрывая на моем пианино. Помню, у меня были слова: «Мне только что исполнилось семнадцать, и я никогда не была королевой красоты», а Джон — это был один из первых случаев, когда он вдруг заволновался: «Что — что? Это надо изменить». И я изменил: «Мне только что исполнилось семнадцать, ты понимаешь, что это значит». Очень важное воспоминание. Для нас это была лишь строчка, но в то время нам было по восемнадцать или девятнадцать, и получалось, будто мы обращаемся ко всем девчонкам, которым семнадцать. Мы прекрасно отдавали себе в этом отчет. Мы ведь сочиняли для рынка. Для потребителя. И знали, что если напишем песню под названием «Спасибо, девочка!», то многие девушки, которые закидывали нас письмами, воспримут это как искреннюю благодарность с нашей стороны. Поэтому многие песни адресованы непосредственно нашим поклонницам.

Первым человеком, на которого песня «All My Loving» произвела впечатление, оказался диск — жокей Дэвид Джейкобз, хиповый парень. Дэвид и теперь не изменился. Он разбирается в поп — музыке. Настоящий эксперт, особенно если учесть, что он принадлежит к старшему поколению. Я помню, как во время своей радиопередачи он выделил эту песню, и с этого момента она стала пользоваться большой популярностью. Я и сам ее по — другому услышал. А раньше воспринимал просто как один из номеров альбома. Но когда Дэвид передал ее в своей радиопрограмме, и ее узнали миллионы слушателей Би — би — си, я подумал: «Ух ты! Это действительно замечательная песня!» Она мне всегда нравилась. Это, кажется, было впервые, когда я написал слова без мелодии. Я их придумал в нашем фургоне во время гастролей с Роем Орбисоном [24] (в мае — июне 1963 г.). Мы тогда много сочиняли. А потом, когда мы добрались до места, где должны были выступать, я нашел пианино и придумал музыку. Так я сочинял в первый раз.

Мы с Джоном были на равных. Понимаете, с тех пор, как Джона не стало, выяснилось — и это естественно, никого нельзя в этом обвинять, — он превратился как бы в великомученика, в того самого великомученика, которым он не хотел быть. Кстати говоря, в день его гибели я услышал интервью, в котором он сказал: «Не стану я, черт подери, никаким великомучеником, которого все пытаются из меня сделать. В ответ мне хочется

сказать: «Благодарю покорно, спокойной ночи»". И все — таки произошло неизбежное.

Когда умру я, то наружу выплывет все хорошее обо мне; кругом начнут говорить: «А вы знаете, что он записал эту вещь с одного раза? Да, он был ничего себе». Потому что уже сейчас я прохожу как исполнитель слащавых баллад — кстати, во время наших ссор Джон немало сделал для того, чтобы этот миф распространился как можно шире. Он действительно постарался, хотя знал, что на самом деле это не так. Ведь когда у меня во время первой репетиции не получалось ничего с «Kansas City» [25], именно он сказал: «Ну давай, давай, парень, ты ведь можешь лучше работать, давай, постарайся!» А если говорить, как оно было на самом деле, то у нас в равной степени проявлялось и балладное начало, и резкое, крикливое. Мнение обо мне, будто я сочинитель баллад, сложилось из — за песни «Yesterday», а о Джоне как о крикуне из — за «Twist and Shout». Но ведь он написал и «Good Night» для Ринго (Старра) [26], самую сентиментальную балладу, которую я слышал в жизни; он же сочинил «Julia», о своей матери — тоже весьма чувствительную вещицу. Ясно, что «Twist And Shout» — штука шумная, этого нельзя отрицать, но в каждом человеке есть два начала.

Какие только идеи не взбредали на ум, но не всегда они попадали в точку. Мы не хотели делать то, что делали все остальные. Некоторые идеи слишком дорого стоили, но иные воплощались успешно, как например, «A Day In The Life». Эта песня заработала гораздо больше, чем стоила запись. Недавно я шел по Эбби — роуд и встретил одного музыканта, который участвовал в самой первой оригинальной записи «A Day In The Life». Он сказал: «Конечно, я все помню! Как же! Мы вошли в студию, и в углу стоял столик со всевозможными напитками, которые только существуют на свете». Я завопил: «Дааа?! А я совершенно этого не помню, потому что был поглощен музыкой. В конце я даже немного дирижировал». Я немало поработал тогда над crescendo в «A Day In The Life», потому что начал интересоваться avant garde и вообще был лондонским холостяком с широким кругом интересов. Все остальные жили в пригороде — ну скажем, в Эшере, Уэйбридже, — торчали дома и мало чем интересовались, не утруждали себя интеллектуальными поисками, в основном смотрели кино или сидели у телевизора. Но потом появлялся Джон и говорил: «Вот это да! Ты что же тут делал? Озвучивал музыкой Бетховена домашний фильм?» А я играл ему Штокхаузена [27]. В этом качестве меня никто не узнал, потому что позже Джон как бы подменил меня собой. Говорили: «Аа, это, наверное, Джон увлекался Штокхаузеном». А на самом

деле это был не он, а я и мои лондонские приятели: Роберт Фрейзер, Майлз из журнала «Ит», ну все эти ребята — Джон Данбар, Питер Эшер, парни из Индика.

Что касается «A Day In The Life», то я им («битлзам») сказал: «Мы возьмем двадцать четыре такта, точно отсчитаем их, а потом просто споем песню и оставим эти двадцать четыре такта голыми». На пленке действительно можно расслышать, как Мэл считает, причем мы все прибавляли реверберацию, потому что решили, что так получится клево. А потом я обошел всех трубачей и сказал: «Вот смотрите, вам просто надо начать с первого такта из этих двадцати четырех и сыграть все ноты, которые есть на ваших инструментах, с самой низкой до самой высокой, но самая высокая должна прийтись на двадцать четвертый такт. Вот и все. Вы можете сыграть все ноты сначала, потом отдохнуть, прежде чем взять эту самую высокую, если захотите, конечно. Или играйте подряд». Это было очень интересно, потому что я понял, кто чего стоит в оркестре: струнные сидели, как бараны — они все уставились друг на друга и спрашивали: «Ты будешь вверх идти? Я так вверх», — и все брали верхнюю ноту вместе, следуя указанию концертмейстера. Духовики вели себя куда свободнее.

Ринго никогда не играл соло на ударных. Он ненавидел ударников, которые увлекались длинными соло. Мы все их ненавидели. Когда он присоединился к «Битлз», мы спросили: «Ну а что ты скажешь насчет соло на ударных?», ожидая услышать в ответ: «Да, как же, у меня есть одно на пять часов, которое «я сыграю в середине вашего концерта». Он же сказал: «Я их терпеть не могу». Мы заорали: «Колоссально! Мы тебя обожаем». И он никогда их не исполнял.

Заявление Джона в отношении Христа было неудачным. Он сказал, что влияние религии резко уменьшилось, поскольку церковь исчерпала себя. Кстати, мысль была правильной. Но потом Джон опрометчиво добавил, что в Америке мы станем более популярными, чем Христос. Это было уже совершенно лишнее [28].

Я до сих пор помню случай, который произошел во время наших последних американских гастролей [29] в Байбл Белт. Какой — то белобрысый мальчишка лет одиннадцати с ненавистью ударил ногой по бамперу автомобиля и неистово заорал: «Сволочи! Пристрелю!» И он бы выстрелил, будьте уверены, если б у него был под рукой пистолет [30].

Помню также, как выступавший по телевидению верзила, видимо, один из Ку — клукс — клановцев, угрожал нам: «Мы представляем движение террористов. Сегодня вечером на

концерте мы прибьем одного из «битлзов»!» [31] Все мы здорово перепугались и хотели сразу же вернуться домой. Но в итоге концерт все — таки состоялся.

Тогда же один ясновидец, ранее предсказавший гибель президента Кеннеди [32], заявил, что мы погибнем в авиакатастрофе во время перелета Индианаполис — Денвер. Когда нам стало об этом известно, ничего изменить было уже нельзя. Мы вынуждены были лететь. Перед вылетом мы напились в стельку. Полет и впрямь получился кошмарным. Нас выворачивало наизнанку. Казалось, еще немного и произойдет трагедия. Но в конце концов все обошлось.

Вклад Джорджа Мартина в песни «Битлз» был весомым. Когда мы впервые показали ему «Please Please Me», он доказал, что способен очень глубоко чувствовать музыку. Песня была написана в духе Роя Орбисона. Джордж Мартин, внимательно прослушав ее, предложил: «Давайте увеличим темп». В таком варианте песня зазвучала гораздо лучше. Получился отличный хит. Джордж принимал активное участие в творческом процессе.

Взаимные обиды возникли лишь, когда в одном из обзоров написали о «Sgt. Pepper's…»: «Это лучший альбом Джорджа Мартина». Мы были потрясены. Не спорим, он действительно помогал нам, очень помогал. Но, люди! Вы должны знать — это не его альбом. После всей этой истории остался неприятный осадок. Да, Джордж помогал нам, но видит Бог, это не дает ему права приписывать себе весь альбом.

Общая идея пластинки «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» была моя, и я как мог оказывал давление на остальных. С самого начала мы решили: над альбомом работает не «Битлз», а другая группа, понимаете? Каждый должен был забыть все, что мы делали прежде.

На конверте пластинки мы изображены в окружении многочисленных наших кумиров, которых каждый из нас выбрал по своему усмотрению. Среди них были: Оскар Уайльд [33], Марлон Брандо [34], Дилан Томас [35], Олдос Хаксли [36], Ленни Брюс [37]. Мы хотели сказать о тех людях, которым симпатизировали. Мы могли уже позволить себе обнародовать факт, что нам нравится Олдос Хаксли [38]. Для нас это вовсе не было чем — то новым, мы и прежде вели разговоры на подобные темы в своем кругу. Другое дело, что никто никогда не спрашивал нас об этом во время интервью!

Джон тогда жил с женой и ребенком в Уэйтбридже, а я обитал в холостяцкой квартире в Лондоне, преимущественно бездельничал, ходил по вечерам в театр, прочитал всего Тургенева [39]. Отличное было время!

Квартира моя находилась в центре Лондона. Знакомые ребята частенько говорили друг другу: «Пойдем поглядим на Пола, он наверняка дома, если только не смотался в какой — нибудь клуб».

Клуб «УФО» был местом, где собиралась студенческая молодежь, там у нас не возникало никаких проблем с общением. Статус знаменитостей в глазах студентов ничего не значил, они даже старались делать вид, будто видят нас в первый раз. Им импонировала независимость. «Эй, парень, мы тут говорим о Марксе, иди к нам!»

Мы снимались в кинофильмах, нас интересовала необычная музыка — индийская, электронная, Штокхаузен. В этом своеобразном плавильном котле мы нашли свое место. Это напомнило нам старые времена, когда мы посещали кофейни, в которых за чашкой кофе можно было обсудить все проблемы и хорошо провести время. Все было как раньше, только интересы наши, конечно же, изменились.

Как поп — группа мы претерпели миллион поверхностных перемен, которые ровно ничего не значили и ни в чем, по сути, нас не изменили.

Вот, скажем, ты попадаешь в шикарный ресторан, пробуешь авокадо, шпинат, другие экзотические штучки, они тебе нравятся, и ты их все время ешь. Потом выясняется, что существует еще и вино, — начинаешь жить, с авокадо и вином. Когда же проходишь через все это, то возвращаешься обратно. Начинаешь понимать, что официант здесь только для того, чтобы спросить, что подать, а вообще — то, никому не интересно знать, чего ты хочешь. Так что можешь совершенно спокойно заказывать к обеду кукурузные хлопья и не бояться, что тебя сочтут чудаком с Севера.

Такого рода циклы постоянно сменяют друг друга. Как усы. Однажды я отрастил усы, для смеха, чтобы всех поразить. Это было очень смешно, потом я их сбрил. А теперь вернулся к исходной точке. То же с едой. Я все перепробовал, узнал вкус разных блюд и вернулся к тому, что любил всю жизнь.

Мы всегда возвращаемся к самим себе, потому что мы никогда не меняемся. Мы можем быть «а + 1», когда «1» означает, например, серые костюмы. И это будет цикл серых костюмов. Потом «а + 2», когда «2» — это цветные рубашки. Но независимо ни от чего мы всегда остаемся «а». Потом будет «а + смерть», финиш. Извините за такие благоглупости. Я просто увлекся разговором.

Но понимаете, все эти изменения поверхностные. Проходишь какой — то цикл, однако тебя он никуда не приводит, потому что чем больше ты знаешь, тем меньше ты знаешь. И каждый из нас —

как предохранительный клапан для другого.

Дело в том, что в действительности мы — одна и та же сущность. Четыре части одного целого. Мы разные сами по себе, но вместе образуем Товарищество в одном лице. Если один из нас отправляется на поиски своего пути, остальные или двигаются с ним, или возвращают его назад. Каждый вносит что — то свое.

Ринго — это сама сентиментальность. Он любит лирическую музыку; всегда любил ее, а мы ни черта в ней не понимали, пока он нам не показал, что это такое. Поэтому мы и писали для него такие чувствительные песни, как «With A Little Help From My Friends».

Джордж — воплощение определенности, уж если он принял решение, то выполняет его самым добросовестным образом. Его добросовестность положительно действовала на всех нас.

Джон весь в движении, быстром движении. Он ухватил что происходит что — то новое, и уже… пошел!.. понесся вперед, только его и видели.

Когда появлялась новая Fender — гитара, Джон и Джордж немедленно бросались покупать ее. Джон из — за того, что она была новая, а Джордж потому, что считал, что она ему нужна. Я же думал, колебался, проверял, есть ли у меня деньги, потом выжидал.

Из всех четырех я — консерватор. Конечно, не в сравнении с другими людьми. Так, если сравнивать с моей семьей, то я просто сумасшедший.

У каждого из нас осталась прежняя роль. Но поскольку мы не хотим прослыть конформистами, всегда будет казаться, что мы меняемся. Эта боязнь стать конформистами, желание делать все время что — то новое — залог непременного своеобразия нашей музыки.

Мы никогда не приспосабливались. Нам часто говорили, что мы должны войти в определенное русло, но мы не обращали на подобные советы никакого внимания. Нам говорили, что мы должны носить школьный блейзер. Но если вы верите себе, вам нет нужды всю жизнь ходить в школьной форме, даже если так много людей вокруг хотят, чтобы вы это делали.

Мы не учимся быть архитекторами, художниками или писателями. Мы учимся быть. Вот и все.

Знаете, что самое забавное? Было время, когда среди всех членов «Битлз» я считался — да и действительно был — самым склонным к авангарду. Я увлекся любительской киносъемкой, из нескольких лент я монтировал фильм, подгонял самые различные сюжеты, и был чрезвычайно доволен своей режиссурой. Помнится, я даже осмелился показать наиболее удачный маразм

самому Антониони [40] — он в это время снимал в Лондоне «Блоу ап». Мэтр приехал ко мне домой и во время просмотра несколько раз вежливо улыбнулся; думаю, больше всего ему хотелось вышвырнуть меня в окно.

Потом я начал безобразничать со звукозаписью: включал магнитофон и валял дурака на пианино, затем накладывал партию гитары, а в самом конце находил ритм и выбивал его на кастрюлях. Я прогонял всю эту чертовщину в обратную сторону, с разными скоростями и рассылал готовые записи знакомым, так, ради смеха. Я совсем одурел от этих упражнений и, чтобы развлечься, стал пугать Джона, что выпущу сольный альбом под названием «Пол Маккартни переборщил». Джон поначалу хихикал, но потом ему надоел этот цирк, и он позвонил мне в 5 часов утра, предложив на выбор: «Либо ты выпустишь свой чертов альбом и оставишь меня в покое, либо я тебя убью!» По — моему, он не шутил, потому что я перед этим позвонил ему в 4 часа утра. А вообще, мы часто с ним развлекались подобным образом. Между прочим, немногие знают, но первым с Йоко Оно [41] познакомился я: она как раз приехала в Лондон и очень интересовалась модернизмом, а кто — то из моих знакомых сказал ей, что знает одного сумасшедшего авангардиста и привел ее ко мне. Она послушала всю эту кастрюльную чушь, я прочитал ей несколько набросков к «Sgt. Pepper…» Что ж вы думаете, понравилось. Но знаете, если честно, то мне очень не хотелось расставаться с моей дребеденью — а она просила! — и я сказал, что знаю еще более чокнутого парня, и отвел ее к Джону. Когда они встретились [42], мне показалось, что в комнате сверкнула молния. Во всяком случае, Джон влюбился до потери памяти. И вначале дико ревновал Йоко ко мне — она же была моей знакомой.

С Джими Хендриксом [43] я познакомился во время его концерта в Лондоне. Когда я впервые увидел его, я был потрясен. До этого я никогда не предполагал, что гитара имеет такие огромные возможности. Так виртуозно еще никто не играл, да и, пожалуй, не играет. То, что делал Хендрикс, казалось фантастикой. Он был не просто виртуозом гитары, как его называют сейчас, он поразительно чувствовал звук, каждая его нота имела особый смысл, а какие гармонии звучали в его композициях! Невероятно! Я смотрел концерт вместе с Эриком Клэптоном [44] и Питом Таунсендом [45]. Мы буквально потеряли дар речи, а Клэптон, тоже гитарист милостью божьей, впился взглядом в его пальцы и только бормотал: «Этого не может быть!» Если уж такое говорил сам Клэптон, это что — то значило. Но величайшим комплиментом для меня стало завершение концерта,

когда Хендрикс сказал: «А сейчас я сыграю вам произведение, которое потрясло меня так же, как в свое время ошеломил Бетховен». И он заиграл «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band». Но как! У меня мурашки пошли по спине! Джими Хендрикс был великолепен!

Кстати, спустя несколько дней «Мелоди мейкер» [46] совершенно серьезно заявила, что ее корреспондент насчитал у Джими шесть пальцев на правой руке, и Леннон отправился на проверку. Мы пришли в гостиницу, где остановился Хендрикс, и Джон на глазах ошалевших журналистов начал считать пальцы на руке Джими: «Один, два, три, четыре… а где же еще два?» Хендрикс только посмеивается, а Джон вопит на весь коридор: «Сенсация! В доброй старой Англии обокрали великого гитариста!»

Да, Хендрикс был великий гитарист. Я ничего не имею против Эдди ван Халена, которого сейчас сравнивают с ним, но до Джими ему как до Луны.

Перед тем как создать песню «Let It Be», у меня был период глубокой депрессии. Думаю, что в значительной мере из — за наркотиков. Это был безумный период в моей жизни, и многие вещи казались лишенными смысла. Я шатался по ночным клубам, цепляя девочек. Под верхним слоем такой бурной жизни была пустота. Вспоминаю одну ночь, когда я, лежа в кровати, почувствовал себя по — настоящему плохо. Потом мне приснился сон. Мне снилась мать, которая умерла много лет назад. Мама сказала: «Все будет хорошо, не волнуйся, все образуется». И на душе вдруг стало удивительно легко… После той ночи я и написал «Let It Be». Сон помог мне сочинить песню.

Есть песня, которую написал Чак Бэрри. Она называется «Back In USA». В ней он поет о том, как здорово в Америке. Так что наша песня («Back In The USSR»), фактически, пародия на эту песню. Я использовал американскую манеру петь ву — ву — ву в стиле «Бич Бойз» и создал песню, которая звучит по — американски. Однако я изменил содержание: словно это русский, который возвращается домой. Эта песня просто показывает, как на самом деле люди похожи друг на друга. Мы никогда не думали об СССР в контексте рок — н–ролла, и нам показалось неплохой идеей написать об этом в песне.

Мне странно видеть, как кто — то на экране или на сцене играет меня. Странно даже было слышать голоса в фильме «Желтая субмарина». Актеры все время говорят с каким — то странным полушотландским акцентом. Сперва это даже забавно, потом начинает раздражать, хотя стараешься не обращать внимания. Зато я люблю смотреть наши старые телеинтервью. Не

видели? Когда Ринго говорит: «Я хочу открыть женскую парикмахерскую». Или Джон заявляет, что мы, возможно, продержимся целых два или три года. Мы никогда дальше не загадывали. Поверьте, для нас рубежом было 24 года, потому что Фрэнку Айфилду [47] было тогда 25. Мы в то время думали, что старше быть уже просто некуда.

Когда я снимался в кино, меня абсолютно не волновало, в каком образе я предстану перед зрителями. Раз по фильму требуется, чтобы я был этаким жизнерадостным парнем, ну, что ж, замечательно, я буду весельчаком. Хотя, наверное, сама жизнь подсказала для меня такой образ. Ведь все знали, что при встречах с прессой именно я рассаживал журналистов и пытался настроить их на дружелюбный лад. И дело было не только в желании выглядеть благовоспитаннее. Именно такой стиль отношений был свойственен нашей семье. Но, конечно, хотелось произвести благоприятное впечатление и на ребят, чтобы в итоге получилась хорошая рецензия.

Случалось и так, что по прошествии нескольких лет я сожалел о непродуманном поведении в том или ином месте. Однако такое присуще многим. Люди занимаются самоанализом своих поступков и приходят к выводу, что в некоторых ситуациях надо было действовать жестче… Что касается меня, то я и не «миляга», и не «крутой». Придерживаюсь золотой середины. Еще мой отец всегда советовал мне: будь умеренным во всем. Немало отцов дают подобный совет своим сыновьям. Мой — не исключение. Он типичный «американский отец». А еще он отличный парень, и я его очень люблю [48].

Считаю, что истоки человеческой озлобленности коренятся в семейных скандалах. И все же, даже имея дело с теми, кто вам не очень симпатичен, надо стремиться ладить с людьми, а не позволять себе резкие выпады в их адрес.

Думаю, что более всего я счастлив сейчас. Для меня большая радость видеть, как растет и взрослеет моя семья. Однако, заглядывая в прошлое, в те годы, когда «Битлз» стали пользоваться успехом, я вспоминаю, какие это были чудесные, сумасшедшие, полные веселья годы, так что тот период в моей жизни был почти таким же счастливым.

Однозначно ответить на вопрос, каковы истинные причины распада «Битлз», невозможно — слишком много субъективных факторов наложилось одновременно. По — моему, все началось с «White Album» и перекинулось в 1970 год. Непонимание, нежелание, неестественность… Очень много слов, начинающихся с не, и любое можно поставить перед «Битлз». Нам стало трудно вместе, и наиболее остро это начало ощущаться во время работы

над альбомом «The Beatles» («White Album»). Первым не выдержал Джордж, потом Ринго — они ушли, но нам казалось, что еще не все потеряно и мы сумеем повернуть стрелки вспять. Сейчас все в каком — то тумане, я не могу вспомнить точную хронологию событий, но за некоторые могу поручиться. После того как «Let It Be» [49] был готов — примерно в то время, когда я задумал сольный альбом «McCartney», — мы встретились в нашей студии «Эппл», чтобы откровенно поговорить. Нам было что сказать друг другу. Могу привести свои аргументы. Я сказал, что мы должны снова собраться: «Битлз» не имеют права уподобляться склочным кумушкам, мы всегда были маленькой коммуной, и нам нужно такими и оставаться. Я предложил организовать небольшой клуб, в который вошли бы наиболее близкие друзья каждого из нас, и устроить мини — турне — такой бродячий цирк «Одинокие сердца». Мне казалось, что нам еще надо научиться быть группой, потому что мы постепенно превратились в бизнесменов: музыкальная группа «Битлз» вдруг стала торговым предприятием «Эппл». Джон искоса взглянул на меня, как петух, готовящийся клюнуть зерно, и сказал: «По — моему, ты рехнулся. Я не собираюсь обсуждать твои глупости и ухожу из группы». Это его подлинные слова. У нас отвисли челюсти. И тут он пустился в объяснения, что, мол, хорошо высказать все сразу, без утайки, это приносит облегчение всем. Он стал рассказывать, как объявил своей жене о том, что собирается с ней развестись, и как ему после разговора стало легко, и как прекрасно она почувствовала себя после его слов. Конечно, очень любезно было со стороны Джона рассказать о своих намерениях, но я не могу сказать, что испытал облегчение.

Поначалу мы решили не объявлять о распаде. Но я уже не мог смотреть в глаза знакомым, которые приставали с вопросами: «Как дела в группе?» Я — то прекрасно знал, как наши дела. То, что я сделал в итоге, сейчас, по прошествии всех этих лет, кажется мне бессердечным и даже циничным, похожим на плохой конец в фильме. Все произошло следующим образом: я уже готовил к выпуску сольный альбом «McCartney» и вовсе не хотел, чтобы пресса устроила истерику по этому поводу. Когда меня в очередной раз спросили о дальнейших планах «Битлз», я предложил журналисту составить для меня список вопросов, на которые я отвечу ему письменно, и после мы сделаем из этого списка вкладыш в мой альбом. Я ответил на все его вопросы и в самом конце приписал: «Группа «Битлз» распалась». Подпись: Пол Маккартни [50]. Когда Джон узнал об этом, я думал он сойдет с ума от ярости, — правда, известная всем нам, оказалась смертельным ударом, когда мы увидели ее напечатанной

типографским шрифтом. У меня даже мелькнула мысль, что Джон шутил, когда говорил о своем выходе из «Битлз». Но в конце концов, почему мы должны были скрывать правду, когда «Битлз» уже не существовали почти полгода? Рано или поздно секрет выплыл бы наружу, но с такими невероятными подробностями, что нам всем пришлось бы туго. Возможно, та форма, в которой я подал эту новость, была не самой удачной, мне надо было быть более деликатным или же сделать то же самое, но согласовав с остальными. Не знаю. Тогда я чувствовал себя вправе сделать заявление именно таким образом.

Все деньги, что мы зарабатывали, оседали в чужих карманах. Мне это совсем не нравилось, и я оказался тем недовольным, который должен был затеять скандал, пока остальные еще мирились с таким положением. Деньги оседали в карманах Аллена Клейна [51]. Но я не мог подать на него в суд, как собирался, потому что выяснилось, что по условиям контракта я должен подать в суд на самих «Битлз». Это было сумасшедшее время: один из нас подает в суд на других! Поэтому я и уехал тогда (в Шотландию), чтобы все прекратить. Мне не хотелось так поступать, но ничего другого я уже сделать не мог [52]. Тем не менее, я спас деньги — и себе, и остальным, — когда вся история закончилась, они были очень довольны этим обстоятельством. Я считаю это самой большой травмой в моей деловой жизни. В итоге, на меня все время указывают как на человека, из — за которого распались «Битлз», что, конечно же, неправда. Я бы остался в ансамбле, но Джон к тому времени уже ушел.

Мы чувствовали, что расходимся в разные стороны. Между нами возникали трения, мы цеплялись друг к другу по мелочам. Сначала старались этого не замечать и даже вернулись на Манчестер — сквер (там находится штаб — квартира фирмы «EMI»), где снова сфотографировались на лестнице, как на обложке «Love Me Do», но на сей раз уже с длинными волосами и бородами. Словом, повторили давнюю фотографию, но это был, кроме того, сигнал, что все кончено. Мы выросли вместе, были неразлучными друзьями. Но потом все получилось, как в старой песне: «Свадебные колокола разбили нашу старую компанию». У каждого из нас уже была своя жизнь, свои семьи. Я вспоминаю время первых гастрольных поездок: чтобы согреться ночью в каком — нибудь ветхом фургоне, мы спали вповалку — этакий бутерброд из «Битлз». Тогда мы были близки и дружили по — настоящему.

Грустно, если умные люди верят в то, что один человек — пусть даже этот человек коварный интриган Маккартни — в состоянии разрушить такой организм, каким был «Битлз».

Грустно… К сожалению, сразу же после распада Джон в запале обвинил меня во всех смертных грехах.

Я не хочу оправдываться, но вспомните, я хоть раз позволил себе при журналистах неодобрительно отозваться о Джоне? Возможно, я слишком в штыки принял Йоко, может, мне надо было быть немного приветливее. Но ведь и остальные — Джордж и Ринго — не ладили с ней. Может быть, это наша вина, а не ее, но раньше мы никогда не сталкивались с подобными людьми. Она была… какая — то странная. Я знаю, что до сих пор многие не могут найти с ней общего языка. А Джон… Он любил ее, поэтому считал, что раз я его друг, то обязан уважать и его возлюбленную. И я честно пытался вызвать в себе это чувство. Но ничего путного не вышло. Джон это понимал, и мы с каждым днем все больше и больше отдалялись. Мы уже не могли видеть друг друга. Ситуация стала невыносимой. Но я точно знаю, что несмотря на всю эту глупость, мы с Джоном продолжали соприкасаться душой. Я любил его, и он дня не мог прожить, чтобы не позвонить мне. Правда, наши разговоры превращались в поток взаимных оскорблений, но нам было достаточно хотя бы слышать голос друг друга, неважно, какую чушь мы при этом мололи. Спросите Джорджа или Ринго, у меня с ними тоже бывали размолвки, но мы же друзья. Настоящие друзья.

Джон решил, что я сделал свой пресс — релиз, чтобы разрекламировать сольный альбом; возможно, отчасти он был прав, но даже если и так, то я действовал не из этих побуждений. Хотя должен признать, выглядело все довольно странно. Сам факт, что я выпустил свой альбом, никого не удивил и не возмутил, вспомните, и Джон, и Джордж к тому времени тоже имели несколько сольных альбомов. Но после этих событий мы наконец стали отдавать себе отчет в том, что «Битлз» больше нет. До этого Джордж, Ринго и я регулярно звонили друг другу, пытаясь как — то исправить положение: мы действительно думали, что «Битлз» можно сохранить. Но все упиралось в Джона, который так стремительно ринулся в новую жизнь, что ничего не хотел видеть — он старался отсечь даже самые безобидные призраки прошлого. Я не думаю, что мы имеем право винить его. Ему всегда нравились новые люди, он быстро загорался свежими идеями. В Нью — Йорке он попал в интеллектуальную элиту, которая пришлась ему по душе. Джон раскрылся навстречу, и волна захлестнула его. Я не говорю, что это плохо.

Он исчез с горизонта, и мы даже не знали, где он живет, тем более — что делает. Доносились какие — то слухи, но истинное положение дел оставалось тайной. Ясно было одно: Джон взял новый курс, а это означало, что его будет бросать из одной

крайности в другую. Потому что Леннон был таким человеком, который не обращает внимания на условности и не подчиняется никаким правилам. Он хотел вести такую жизнь, какую сам себе придумал, а его фантазия не знала предела. Знаете, он так часто повторял одну фразу, что, по — моему, она превратилась в его кредо: «Если ты стоишь на краю обрыва и раздумываешь, прыгнуть или нет, — прыгни!» Что касается меня, то я всегда выбирал второе. Многие, знаю, обвинят меня в трусости. А вы поставьте себя на край пропасти! Не надо даже пытаться отождествлять себя с Джоном — его нельзя судить по обычным человеческим меркам. А насчет прыжка с обрыва подумайте на досуге. Это не так просто, как может показаться, на подобное отваживаются немногие, а оставшиеся обвиняют друг друга в трусости.

Зная Джона, я понимал, что многие его выпады делались в расчете именно на реакцию прессы. Он высказывался, что называется, под настроение. Выйдя из себя, он сравнил меня с Энгельбертом Хампердинком [53]. Уверен, что в действительности Джон так не думал. А вот пресса пыталась завести меня и толкнуть на перебранку с ним. Эти ребятки быстренько доводили до моего сведения все заявления Джона и с предвкушением ждали моей ответной реакции. Порой с трудом удавалось сохранять выдержку и делать вид, что ничего особенного не происходит. Я не согласен с расхожим мнением, что защитить свое достоинство можно лишь ответив ударом на удар. Такой путь ведет в тупик.

Я знал, что люблю Джона. И все годы, когда мы писали вместе музыку, были особенным периодом. И прошлое ничто не может изменить. Думаю, что бестактность Джона была простой болтовней. Много шума, крика, но, как у пьяного, лишено смысла. И я подумал, что если отвечу, то ввяжусь действительно в крупную ссору и к тому же могу еще и проиграть, потому что Джон был силен в словах, на этой территории с ним было трудно бороться. Итак, я сказал себе: «Зачем ввязываться? Это все равно ничего не даст, и я не выиграю…»

Я очень внимательно читал высказывания Джона и задавал себе вопрос: «Неужели он в самом деле думает обо мне так?» Были моменты, когда я даже начинал верить в его утверждения. И тогда мне на помощь приходили близкие люди. Линда прямо так и говорила: «Ты же понимаешь, что все это неправда. У него просто «зуб» на тебя». Со временем я убедился, что с Энгельбертом (Хампердинком) у меня нет ничего общего, я даже перестал писать баллады. В общем, выдержал. Хотя тогда мне было больно. Очень больно.

Конфликты, связанные с общей фирмой, я говорю об «Эппл», сделали нас невероятно злобными и, я бы сказал, стервозными. Но кто — то должен был сделать первый шаг к примирению, и я подумал: почему бы мне не пойти навстречу требованиям Джона? Я решил: черт с ними, со всеми этими деньгами — дружба дороже — и позвонил ему, чтобы предложить мировую. Я казался себе этаким голубем мира с оливковой ветвью. Джон снял трубку и, услышав мой голос, рявкнул: «Ну чего тебе еще?!» Я начал объяснять, но он прервал меня на полуслове: «Ты опять несешь какую — то чушь!» Вообще — то он сказал «чушь собачью» — я даже хотел сделать альбом с таким названием — и бросил трубку.

Долгое время наши отношения были именно такими, «чушь собачья» действительно самое подходящее для них название. Но в конце концов мы поняли одну простую вещь: если мы хотим сохранить дружбу, ни в коем случае нельзя произносить слово «Эппл» — мы от него заводились, как автомобиль от стартера. Мы могли болтать о чем угодно: о моих детях, о кошках, которыми Джон заполонил квартиру, о музыке, единственным табу был «Эппл». Наконец, мы даже сообразили, что есть люди, которым выгодно сохранить наши взаимоотношения в таком виде, в каком они были в самые худшие времена. Об этом первым сказал Джон. Он позвонил мне глубокой ночью и мрачно пробурчал: «Знаешь, если тебя накручивают против меня так же, как меня против тебя, то вовсе не удивительно, что мы ведем себя как кошка с собакой», и, немного посопев, положил трубку. Это было за два месяца до… как жутко звучат эти слова… до его смерти. Я до сих пор не могу поверить. Трудно свыкнуться с мыслью, что его больше нет.

Но я по крайней мере рад, что он был счастлив в последние несколько лет своей жизни. Вообще — то, он был очень теплым человеком, наш Джон. Он снимал свои очки — забавные, старомодные стеклышки, подслеповато щурился и говорил: «Ну, вот и я». Они были как стена, понимаете? Что — то вроде защитного экрана. И в те моменты, когда он убирал защиту, я боготворил его. Наверное, мы причинили друг другу немало зла, но мы не были подонками, как некоторым хочется нас выставить.

Недавно я листал буклет, который выпустила фирма «Эппл» к двадцатилетию образования «Битлз». В руки мне попал личный экземпляр Джона с его пометками на полях. Довольно любопытная вещица. Я перелистывал страницы, и у меня щемило сердце — некоторые фотографии были такими трогательными. Правда, Джон сопроводил иные из них своим комментарием: на фотографии, под которой была подпись «Свадьба Пола и Линды», он зачеркнул слово свадьба и написал сверху похороны. Другая фотография называлась «Пол приехал в Голливуд», ниже рукой

Джона написано: «Чтобы вырезать Джона и Йоко из фильма». Его навязчивая идея. Он считал, что я, Джордж и Ринго недовольны тем, что Йоко снялась в нашем фильме «Let It Be», и пытаемся сократить сцены с ее участием. В чем — то он был прав — Йоко не имела никакого отношения к группе «Битлз», несмотря на то что стала женой одного из нас, и мы все не видели необходимости в ее крупных планах: в конце концов, фильм — то был о «Битлз»! Но Джон настаивал, и она попадала в кадр. Даже чаще, чем Ринго. Но что было, то было, никому и в голову не приходило переделывать из — за этого фильм, а Джон продолжал кипятиться еще десять лет. И в то же время он никогда не был злопамятным — это что — то другое. Джон был действительно хорошим человеком, но очень крикливым. Потому мы его и назвали лидером группы, что он кричал громче всех.

Людям нравятся дурные мальчишки. Им нравятся Стив Маккуин [54], Ли Марвин [55]… Крутые парни. Я никогда не был таким. Мне не нравятся драки, я никогда не был хорошим драчуном, поэтому я всегда старался избегать их. У Джона было много проблем. Думаю, что моя жизнь была гораздо легче, чем его. Отец оставил его, когда ему было три года, через несколько лет мать погибла под машиной у двери своего дома, его первый брак распался… У него была очень тяжелая жизнь. И он превратился в плохого мальчишку, в крутого парня из фильма. Людям это нравится: их привлекает Хемингуэй [56] со всей жестокостью боя быков, убийством, выпивкой и т. п. Их привлекает взбешенный слон. Если ты видишь фильм, в котором появляются два слона, и один просто прогуливается и время от времени трубит, то ты говоришь: «не симпатичный»? Но если врывается, как молния, другой слон, все давит, рушит — фильм хорош. На самом деле, если подумать, это настораживает. Довольно пугающая черта нашего общества. Когда кто — нибудь совершает одно из страшных убийств, когда типы с автоматами врываются в закусочную или школу, это вызывает обожание. Однако меня такое никогда не привлекало. Я был совсем иначе воспитан. У меня было очень счастливое детство. Единственная моя трагедия — смерть моей матери, когда мне исполнилось четырнадцать лет [57]. Событие, которое, несомненно, сделало меня более суровым, чем я был прежде. Но до этого у меня было действительно, в некотором смысле идеальное детство.

Думаю, сразу после смерти Джона многие стали говорить: «Все кончено, это был единственный и неповторимый из «Битлз», потому что он был самым знаменитым из группы «Битлз». К тому же он умер такой смертью… Но и, кроме того, это была, конечно, личность». Люди все говорят, говорят, а ты думаешь: «О боже,

теперь это действительно укрепит миф». Но надо иметь терпение, ибо случилось так, что после той волны пошла вторая, и некоторые начали говорить: «Минутку, минутку, дело обстоит иначе. Джон был совсем другим, и Пол тоже был другим». Настоящие поклонники знают, что во мне подлинное. Что я не просто… нежный, как обо мне говорили. Что я написал достаточно сильных, если можно так выразиться, песен. Когда у нас с Джоном возникали доверительные отношения, я начинал открывать о нем правду, которая не имела ничего общего с его внешним обликом. У Джона под всем его обликом скрывалась нежная душа. Но он знал, что людям нравится свирепый слон.

Как — то Джон прочитал, что древние римляне и греки делали особо выдающимся персонам трепанацию черепа, что якобы позволяло избежать стрессов или что — то в этом роде. Он прибежал ко мне домой и стал уговаривать поехать в больницу: он уже обо всем договорился, и нам быстренько проковыряют в башке дырочки. Я уперся и сказал, что никуда не поеду. Джон размахивал руками и кричал, что я ретроград и ничего не понимаю. Я устал с ним бороться и предложил, чтобы он отправлялся на это увлекательное мероприятие один, а потом, когда я увижу, что ему действительно здорово, последую его примеру. Конечно же, он никуда не пошел. И дело не в этом. Я рассказал вам эту историю, чтобы вы немного представили себе, что значило быть близким другом Джона Леннона. И я счастлив, что был другом этого сумасброда.

Пока мы входили в «Битлз», нас обоих считали совершенно равными. А остальное уже сложилось после «Битлз», когда Джон и Йоко стали превращаться в… Видишь ли, если ты готов появиться на обложке своего альбома совсем без одежды, то вызовешь сенсацию. Но я к таким вещам не расположен, потому что застенчив, да и просто не хочу этого делать. Так что меня легко можно победить. Если я сейчас во время интервью сниму брюки, это, без сомнения, будет сенсацией, но ясно, что я этого не сделаю. Я предпочитаю спокойствие. Но любопытно, если рассматривать то, за что так яростно боролся Джон, то я согласен с ним. Вопрос лишь в форме. Борясь за мир, он делал это своеобразно — ложился голым в кровать.

Я написал песню, которая называется «Pipes Of Peace», а он написал песню «Give Peace A Chance», по существу, все мы хотели мира. Если рассматривать принципы, которые он отстаивал, в них не было ничего плохого. Все это были хорошие, добрые цели.

Знаю, что одним из наибольших удовольствий для Джона было воспитывать своего сына Шона [58]. То есть, быть просто папой, только Джон никогда бы не признался в этом публично

[59]. В этом вся разница. Я слаб и говорю об этом открыто. И могу повторить еще раз, даже если это повредит моей карьере. Знаю, что говорить о подобных вещах в жестоком мире рока не принято, но скрывать свои мысли кажется мне занятием слишком легким. Труднее, гораздо труднее быть верным себе и показывать себя таким, каков есть. Труднее, потому что вынужден постоянно терпеть шутки типа «а, он глуп и слаб». Потому что должен все время повторять: «Нет, я тоже писал сильные песни, например, «I'm Down». Помните? Это написал я, сделав кое — что хорошее».

Было время, когда я, стараясь избавиться от горьких воспоминаний, начинал думать как Джон: «О, «Битлз»… Чепуха!» Но понял, что это не так. Группа была великолепная. Нам бы остыть и попробовать возродить былую славу… И все же я горжусь «Битлз». Это была действительно великая группа. Спросите первого встречного, и он признается, что песни «Битлз» подарили людям счастливые мгновения. В молодости мы об этом просто не задумывались, а сейчас я все чаще обращаюсь к прошлому и считаю, что именно так оно и было. Повторяю, я горжусь «Битлз» и вполне логично, что мне не хочется увидеть наше прошлое оплеванным.

В одной из пьес о «Битлз» Линда представлена какой — то ненормальной, я — деловым типом, Джордж — чудаком, который помешался на религии. Все это имеет мало общего с истиной. «Битлз» — есть «Битлз». И я убежден, что при создании официальной версии истории «Битлз» ни в коем случае нельзя отступать от правды.

Я должен обязательно рассказать вам одну историю. В Америке я познакомился с тринадцатилетней девочкой, которая поведала мне, что, прослушав курс лекций о «Битлз», она узнала о записанных в обратном порядке словах на последней дорожке «Sgt. Pepper's…». Я ей ответил, что это неправда. Мы просто валяли дурака, и там нет никакого скрытого смысла. Она возразила мне, сказав, что я ошибаюсь. Тут я начал уже вопить: «Но я же один из них!» А она мне: «А я прослушала курс!» Она так мне и не поверила.

Я не считаю себя, да и в действительности не являюсь, консервативным. Я довольно сумасшедший человек и не мог бы входить в группу «Битлз», если бы не был таковым, поскольку сама атмосфера 60–х годов была какая — то сумасшедшая. Но это было доброе помешательство. Мы всегда выступали за мир и отстаивали положительные ценности. Не вижу никакой принципиальной разницы между тем, что я ценю сегодня, и тем, что ценил, когда играл в «Битлз».

Да, «Битлз» были неплохой группой. Совсем неплохой, скажу

я вам! Сегодня утром я услышал по радио «Hello Goodbye», и это по- настоящему здорово. Мы знали, что мы не слабая команда. Нас, бывало, спрашивали: «Вы что, считаете, будто вы с Джоном превосходные композиторы?» И я отвечал: «Да!» Может, это звучит и не слишком скромно, но сказать: «Нет, не считаю» или «Ну, мы — так, ничего себе» — было бы совсем глупо, потому что на самом деле мы писали хорошо! Скажите прямо, что бы ответили вы на моем месте, то есть работай вы с Джоном Ленноном, который, как мы знаем, был великим, великим человеком?.. Помните, в начале фильма «Маленький большой человек» герой говорит: «Мы не то что играли в индейцев, мы были индейцами!»? [60] Именно так обстояло дело. Я не то что говорил о чем — то, я жил этим. Я действительно работал с великим Джоном Ленноном. И соответственно он со мной. Это отчаянно возбуждало. Мы написали «From Me To You» в автобусе, это было потрясающе, и отклонение в четвертую ступень было открытием для нас. В переходе из до мажор в ля минор нет ничего особенного — до мажор, потом соль мажор. Потом фа мажор — тоже банальность, но затем происходит вот что (поет): «I got arms», и это уже соль минор. Переход в соль минор и до мажор открывает перед тобой целый мир, совершенно новый. Потрясающее ощущение.

В 1966 г. журналистами был распущен слух, что я погиб в автомобильной катастрофе, подстроенной, чтобы заменить меня двойником. Пресса использовала вымыслы. Говорили «Сержант Пеппер» олицетворяет собой торжественные похороны бас — гитары, так как на обложке диска я единственный из четырех, кто стоит спиной. Также было много толкований по поводу моих босых ног на «Abbey Road». Но объявление о моей смерти было сильным преувеличением, не говоря уже о тех недоразумениях с наркотиком ЛСД в «Lucy In The Sky With The Diamonds».

Я обычно пробегаю первую страницу и, если нахожу там хотя бы одну ошибку о факте, событии, ситуации, понимаю: дальше ошибок будет еще больше. Теперь в книгах так много фантазируют, просто диву даешься. И пишут их люди, которые даже близко не стояли там, о чем они пишут. Как — то Джордж, Ринго и я собрались впервые за долгие годы в доме у Джорджа. Мы сами не могли припомнить в точности того, что было во времена «Битлз»: у каждого была своя версия воспоминаний, хотя речь шла о событиях одних и тех же.

Мы последовали примеру американской группы «Крикетс», название которой означало и игру крикет, и американские кузнечики. Решив тоже соединить в одном слове два понятия, мы изменили одну гласную в слове «beetles» («жучки») и связали его с

набиравшим тогда силу музыкальным течением «Beat» («Бит»).

Это был отличный небольшой ансамбль, в котором каждый вносил что — то свое. Я никогда не считал, что у нас кто — то был «звездой», а кто — то — нет. Мы добились успеха все вместе. Именно это сочетание и дало результаты. Ну и, конечно, не надо забывать тот факт, что мы по многу часов, иногда по семь часов подряд, играли вместе, чтобы отшлифовать свои выступления. Я всегда говорил и продолжаю говорить — без Джона, Джорджа и Ринго ничего бы не вышло.

Мы не сдавались, хотя поначалу никто не хотел слушать музыку «Битлз». Уметь получать удовольствие от своего творчества, любить свое дело и отдавать ему всего себя. Всегда надо верить, что придет ваш день. Мы верили. У нас, «Битлз», была шутливая игра. Один говорил: «Ну что теперь будем делать?» И кто — нибудь отвечал: «Что — то же должно произойти». Это всегда помогало нам. Вы знаете, мы с Джоном написали около 50 песен, прежде чем одна из них попала на пластинку. А ведь мы могли потерять веру на 44–й или 46–й песне. Так что верьте в свой день.

Я думаю так: то, что мы делали, отличалось от простого подражания большим звездам пятидесятых, и мы постоянно эволюционировали. Люди горячо любили нас, ибо мы были выходцами из народа, а это хорошо заметно в Англии; наша манера поведения отличалась от манеры поведения старых «кожаных курток». Успех объясняется и тем, что нам самим нравилась наша музыка, и это чувствовалось. Публика, не только молодежь, но и родители молодых, питали маленькую слабость к нашей бесцеремонности. Все помнят слова Джона во время Royal Variety Performance, в ноябре 1963, когда в присутствии королевской семьи он заявил: «Во время следующей композиции те, кто сидит на дешевых местах, пусть похлопают в ладоши, а остальным придется погромче бряцать драгоценностями». А может быть, публике тогда уже достаточно поднадоело постоянно почитать звезд, приезжающих из Штатов. Вот и все, чем объясняется наш довольно внезапный успех, толпы народа в аэропортах, мятежи и «битломания».

Время хороший исцелитель, и потому, наверное, скажу, что я получил огромные наслаждения от всего. Это не попытка что — то приукрасить, так работает память. Это как если б ты отправился куда — нибудь в отпуск, долго к нему готовился, а все эти две недели шли жуткие дожди, и ты бы все проклял. Но через несколько лет ты наверняка скажешь: «О, то было неплохое время. Чудесно его провели». Но все — таки два альбома — «Revolver» и «Rubber Soul» было особенно приятно делать. То был ранний

период. А вот «Let It Be» и «White Album» были самыми трудными: группа уже начинала в то время разваливаться. Но и они хороши. И, кто знает, может, оттого, что делали мы их в очень трудное для себя время, они как раз и были лучше: невозможно сказать, что для творчества полезнее — напряженность или спокойствие.

Мы всегда были честны перед собой, никогда не были бездушными куклами. Когда американцы спрашивали нас, что мы думаем о Вьетнаме, мы отвечали: «Это война, и вам не следует там быть». Мы ощущали себя своего рода посланниками мира, хотя не занимали никаких официальных постов. Мы пели песню «All You Need Is Love», а Джон Леннон сочинил песню «Give Peace A Chance». Первую частенько называли фривольной. Но я так не думаю. Когда по телевидению показывали тысячи американцев у ограды Белого дома, поющих эти песни, у меня возникало ощущение, что мы сделали что — то важное.

«Hey Jude», «Let It Be», «Sergeant Pepper's Lonely Heart Club Band» — все эти песни, как мне кажется, неплохо выдержали испытание временем. Во время своего последнего всемирного турне я впервые исполнил на сцене «Sergant Pepper's» и «Hey Jude», и это звучало здорово, как будто это были новые песни. До этого я исполнял их только в студии, и когда они зазвучали со сцены, то казалось, как будто играешь их впервые. Ну и, наверное, еще одна моя любимая песня — это «Yesterday». В прошлом году она отметила юбилей — была проиграна по радио 5 миллионов раз. Неплохо для одной песни. Вообще — то — странное дело. Я услышал эту песню первый раз во сне. Помню, когда проснулся, у меня в голове продолжала звучать мелодия. Я буквально вывел всех из себя, спрашивая: «Где я мог слышать раньше эту мелодию?..» Еще мне нравятся песни «Help» и «Strawberry Fields». А еще «Give Peace A Chance». Все они были написаны Джоном, и в прошлом году я исполнил их, когда мы выступали в Ливерпуле. Я ни разу раньше не исполнял его песен, и ощущение было великолепное. Это было данью памяти Джона. Как бы напоминание о друге, которого мы все очень любили.

Наши отношения нельзя было назвать гладкими, подчас они были даже неуважительными. А в общем это выливалось в достаточно плодотворную творческую конкуренцию. После смерти Джона люди навесили на него ярлык мученика и стали говорить о нем как о единственном интеллигенте из «Битлз» и лучшем композиторе.

Представьте себе, что застрелили меня. И вот теперь перед вами сидит Джон Леннон, и весь мир рассказывает ему о том, каким великолепным был Пол Маккартни. Единственный человек, который знает правду о Джоне, — это я.

Обществу просто необходимы такие люди, как Джон. Он был потрясающим человеком — умным, внимательным, чутким. Его сарказм и бунтарство мне очень нравились. С ним никогда нельзя было остановиться на достигнутом. Джон постоянно стимулировал мое творчество, подталкивал вперед. Джордж хорошо знал толк в делах, был хитроумен и рассудителен, а Ринго всегда был преисполнен сердечности, доброжелательности, теплоты и юмора. Если кто — нибудь из нас был близок к эйфории, остальные моментально одергивали его.

«Битлз» просуществовали десять лет. Это не так долго. Но мы оставили свой след. Мы вовремя начали, сделали все, что могли, и вовремя закончили.

Несмотря на былые передряги, мы остались добрыми друзьями. Время стирает воспоминания о неприятных событиях. Когда мы иногда видимся, то не испытываем особой ностальгии по прошлому. Чаще размышляем о будущем. Кто знает, может, мы с Джорджем и попробуем написать что — нибудь вместе.

Как — то я водил свою дочь в Британский музей — ей что — то там понадобилось для занятий. Мы пришли в музей и, конечно, остановились около раздела, посвященного Леннону и Маккартни, и я подумал: «Черт меня подери! С одной стороны Джеймс Джойс [61], с другой — Шекспир [62], а посередине — мы с Джоном. Вот мы и попали в Историю!» Да, проходит время, и ты вдруг оказываешься в школьных учебниках своих детей в разделе, озаглавленном «Шестидесятые годы». Смешно, хотя и интересно, когда какой — нибудь серьезный человек выступает по учебной программе телевидения с лекцией на тему «Группа «Ху» — 1962–1967 годы». Если бы мы только тогда знали, что в конце концов нас будут включать в кроссворды, викторины или куда — то там еще… Когда я ходил в школу, читал учебники и видел в них портреты Уинстона Черчилля [63] и других известных личностей, то обычно думал: «Боже, это, должно быть, очень важные люди». Так странно узнать однажды, что и мы вошли в книгу истории. Да, считаю, что мы вошли в книгу истории, считаю, что мы многое сделали нашей музыкой и нашей позицией. Мы помогли развитию социальных отношений. Больше всего волнует то, что если обернуться назад и увидеть все, что изменилось, можно сказать самому себе: «Мы имеем к этому какое — то отношение». А это многое значит.

Жизнь после «Битлз»

Я вырос среди рабочих людей, наделенных сверхвыживаемостью. Они всегда находят выход из любого положения. В моей жизни тоже было очень много трудных моментов. Сейчас, к счастью, все в порядке. Но когда перестали существовать «Битлз», состояние мое было кошмарным. Я почувствовал себя конченым человеком, и мог бы превратиться в бродягу, в отбросы общества. Не было смысла вставать по утрам, бриться… После разрыва с «Битлз» самым логичным казалось отстраниться от жизни. Я попробовал сделать это, и через несколько недель понял, что ничего не получается. Я не смог превратиться в жалкого бродягу и разрушить себя. Итак, надо было снова становиться на ноги. Это очень трудный и в то же время достаточно распространенный опыт. Все равно что проработать на фабрике 20 лет и вдруг узнать, что ты уволен. Ты задаешь себе вопрос: «Что делать оставшуюся жизнь?» И тобой владеет мысль: «Я ничего не стою. С «Битлз» стоил, а теперь нет». Очень угнетающее ощущение. Конечно, если ты способен преодолеть это, то выходишь из кризиса окрепшим. Но такова жизнь. Жизнь — сложная штука.

Любому бы надоела вся эта история, связанная с распадом «Битлз»: споры из — за денег и т. д. Но надо было жить дальше, и оставалось решить как: уйти на покой или продолжить творческую деятельность. Я выбрал второе, возникло желание попытаться превзойти «Битлз», а это совсем не просто.

Страшно было и думать о том, чтобы остаться в музыкальном бизнесе, но все же я поговорил об этом с Линдой. Ее вокальные данные, конечно же, не для оперы, но тем не менее, как певица, она имеет свою индивидуальность. Линда согласилась поработать вместе, но только временно и не слишком интенсивно. Вот на таких условиях мы и приступили к делу. (Пауза, усмешка). Ну а критики все безусловно истолковали иначе: «Зачем он тащит ее на сцену?» Ну а почему бы и нет? Подумаешь, великое дело. Она же поет со мной, причем вторым голосом, и не претендует на главную партию в «Травиате».

С таким настроением мы решились остаться в мире музыкального бизнеса, сделали «Another Day», которую закончили в Нью — Йорке.

Мы чувствовали, что песня «Maybe I'm Amazed» удалась, возникла мысль выпустить ее отдельной пластинкой. Но, увы, эта идея так никогда и не была реализована. То же самое произошло и с «Uncle Albert» в Великобритании. Мы выпустили его

отдельным синглом в Америке, где он имел колоссальный успех.

Я считаю «Maybe I'm Amazed» одной из самых удачных своих песен. Правда, мне доводилось встречать людей, признававшихся, что им нравится «The Lovely Linda» и все то, что казалось мне в альбоме «McCartney» второстепенным.

Или, скажем, «That Would Be Something». Это просто бросовая вещица. И тем не менее в ней что — то есть. Песни так и выбирались для альбома: вроде ничего особенного, но есть в них какая — то своя атмосфера. Вот это мне и нравится. Дома среди груды старых записей я нашел пленку с «Fixing A Hole». Потрясающе, на ней запечатлен весь процесс написания этой песни: несколько часов, отталкиваясь от слов, я ищу музыку и, наконец, рождается мелодия.

В 1971 году мы ждали второго ребенка. Беременность у Линды протекала тяжело, и я много времени проводил с ней. В больнице я даже установил для себя складную кровать. Когда одна из медсестер запретила мне ночевать там, я направился на поиски другой больницы, где бы мне не препятствовали находиться рядом с женой. В итоге мы оказались в больнице Королевского колледжа, здесь наш будущий ребенок оказался в надежных руках. Ожидая появления Стеллы на свет, я обдумывал название для своей группы. Хотелось, чтобы оно несло в себе надежду, заряд оптимизма; неожиданно возникло «Уингз» («Крылья»). Это было то, что надо.

Среди песен альбома «Wild Life», с которым группа «Уингз» дебютировала в 1971 году, была и «Dear Friend».

Песня написана для Джона. Что — то вроде письма. Распад «Битлз» походил на развод: недавнюю любовь сменила лютая ненависть. Я не верил, что мы дошли до такой степени взаимной ненависти. Но всякого рода дельцы, связанные с этой историей, сознательно натравливали нас друг на друга. Очень жаль, что так получилось, но разобраться, найти истину, было чрезвычайно трудно. И что же оставалось делать? Ведь невозможно просто сесть и написать письмо: «Дружище, я люблю тебя». Это чересчур. Я сделал то, что мне казалось более правильным, — написал песню «Dear Friend» — своеобразный шаг к примирению. И не важно, насколько результативен он был, довольно того, что благодаря этой песне мы раз — другой очень хорошо поговорили по телефону. К счастью, до смерти Джона мы успели помириться. Слава Богу! Иначе все было бы ужасно — я думал бы, что наша ссора будет продолжаться вечность. А так мы расстались друзьями, и это меня несколько утешает.

Я довольно часто задумывался над той бурной реакцией, которую вызывали политические песни Джона. Мне никогда не

приходило в голову сомневаться в искренности его чувств, я знал, как глубоко он переживал все эти проблемы. Подобные волнения испытывал и я, ненавидя грязные делишки Никсона [64], насильственное вмешательство в решение ирландского вопроса, да, вообще, любое насилие. И мне кажется, что это ненавистно многим людям моего поколения. Хотелось бы перемен, но пока мы видим, что по — прежнему гибнут ни в чем неповинные люди. Например, в Кенте даже на пороге твоего собственного дома с тобой может произойти все что угодно [65]. Нельзя оставаться равнодушными и молчать об этом лишь потому, что такие песни могут мало кого заинтересовать и, следовательно, плохо покупаться.

Когда кто — нибудь спрашивал меня, пишу ли я песни протеста, я всегда отвечал, что мне нравится Боб Дилан [66], но у меня другой стиль. Я зарекался писать политические песни. Но когда они (английские войска) устроили настоящую кровавую бойню над участниками мирной демонстрации, я был потрясен. В результате расправы, учиненной солдатами парашютно — десантных войск, было убито несколько человек и десятки людей ранены [67]. Мы, англичане, противопоставили себя ирландцам. Это было похоже на войну с ними. Я воспитан на убеждении, что ирландцы — великий народ, они наши друзья, наши братья. Мы частенько шутили, что Ливерпуль, наверное, был в прошлом столицей Ирландии — так много ирландцев живут и работают в городе.

Когда пришло внезапное известие об убийстве наших друзей, я подумал: «Нужно немедленно положить этому конец. Это совсем не тот метод решения проблемы». Я выразил протест от имени части англичан. Никакие объяснения не могут доказать, что действия нашего правительства были правильными, им нет оправдания. У нас в Англии широко распространено мнение, согласно которому «члены ИРА [68] — всего лишь террористы и ничего более». Ну да, конечно, мы хорошие ребята, а они — террористы, проще не бывает. И, главное, очень удобно, если напрочь забыть о том, что именно мы в свое время разделили Ирландию. Мы разграбили их страну, вот так — то! Неужели никто об этом не помнит!

Во время работы над песней «Give Ireland Back To The Irish» многие звонили мне и настойчиво уговаривали отказаться от своего замысла. Но я проявил твердость, и песня увидела свет. Она вышла на первое место в хит — параде сначала в Ирландии, а в конечном счете даже в Испании! Не думаю, что песня пользовалась популярностью только у басских сепаратистов. Хотя, мне кажется, Франко [69] все равно ничего не понял. Кстати,

когда я находился в Австрии, ко мне не раз подходили люди и искренне признавались: «Знаете, я написал новую версию вашей песни, она называется «Give Bavaria To The Bavarians»" (смеется). Но если серьезно, написав песню об Ирландии, я сделал то немногое, что было в моих силах, и я рад, что так поступил.

Хотел бы развенчать еще одну легенду: моя экономка Роза не имеет никакого отношения к названию альбома «Red Rose Speedway». Я прекрасно помню вечер, когда было найдено оформление обложки альбома. Линда сфотографировала меня облокотившегося о мопед с розой во рту. Весь вечер я слушал пластинку Стиви Уандера «Innervisions».

Работая над музыкой к альбому, я жил на своей овцеферме в Шотландии. Такие фермы выглядят очень красиво на почтовых открытках. Но реальность жестче. Во время ягнения овец несколько ягнят неизбежно погибают. Жизнь есть жизнь. Многие фермеры, избегая лишней возни, просто выкидывают мертвый молодняк за ограду. А если быть хоть немного чувствительнее, и твой дом полон ребятишек? Тогда ничего поделать с собой нельзя. Вот мы и пытались спасти одного ягненка. Он появился на свет в непогоду и был очень слаб. Мы взяли его в дом, целую ночь обогревали возле печки, но все напрасно — он умер. О нем я и написал песню «Little Lamb Dragonfly». Там есть такие слова: «Я не уберег тебя при рождении, я не спас тебя и в своем доме». Грустная песня в память о несчастном крошечном существе.

К осени 1973 года я закончил работу над «Band On The Run», «Jet» и рядом других песен — пора было записать их. Делать это в Англии не хотелось. Когда записываешь всегда в одном и том же месте, музыка приедается, становится работой, а не игрой. Исчезает настроение, и результат получается прямо — таки плачевный.

Я позвонил на фирму «EMI», с которой у меня был контракт, и попросил предоставить студию в какой — нибудь другой стране. Мне предложили на выбор Рио — де — Жанейро, Китай и Лагос [70]. Я выбрал Лагос! Африка, новые ритмы, звуки ударных инструментов. Мы не имели ни малейшего представления о тех условиях, в которых нам предстояло работать. Когда приехали на место, то увидели, что строительство студии в Апапе идет полным ходом. При нас сооружали кабины, разграничительные барьеры, и строители интересовались, вставлять ли стекло в перегородку, разделяющую студию и аппаратную. Они хотели сделать просто деревянную стенку с дырой. (Смех).

С «EMI» конкурировал Джинджер Бейкер, и я решил немного помочь ему. Мы поработали в его студии «ARC», продемонстрировав тем самым, что фирмы — фаворита в этом

споре нет.

Как — то ночью в Лагосе на нас напали — забрали записи, тексты песен. Когда на следующий день мы пришли в студию, один из ребят заявил: «Скажите спасибо, что вас не убили. Это все потому, что вы белые. Они надеются, что вы их не узнаете».

Знаете, до нефтяного бума в Лагосе были в ходу публичные казни. На побережье как — то была такая казнь. Повесили одного парня, а потом появились деревянные сувениры, маленькие резные фигурки, изображавшие казненного. Привыкнуть к такому невозможно.

На следующий день мы снова пошли на побережье. Но, увы, нас преследовал злой рок. Выкупаться нам не удалось. Отправляясь в Африку, я предвкушал прекрасную погоду, а попали мы в сезон дождей. Небо, что называется, прохудилось. Великолепная погода для записи — ведь на улицу все равно не высунешь носа.

Вернувшись в Англию, мы получили письмо от директора «EMI», в котором он писал следующее: «Дорогой Пол, я не советую вам ехать в Лагос, так как там недавно была зафиксирована вспышка холеры».

Но, несмотря на все напасти, мы сделали один из лучших наших альбомов. «Band On The Run» — это результат путешествий.

Песня «Picasso's Last Word/Drink To Me» появилась во время отдыха на Ямайке. Дастин Хоффман [71] и Стив Маккуин работали на Ямайке над фильмом «Papillon», а мы приехали поглазеть на съемки.

Как — то Дастин пригласил нас на ужин и в разговоре поинтересовался у меня: «Как ты пишешь песни?» «Они появляются из воздуха», — ответил я. Но мой собеседник не унимался: «А можно ли написать песню на сознательно выбранную тему?» «Да, — сказал я, — но только, если она способна вызвать прилив вдохновения». Тогда Дастин Хоффман заявил, что у него есть для меня грандиозная тема. Он принес номер журнала «Тайм» со статьей, описывающей кончину Пикассо [72]. В ней говорилось, что накануне, ужиная с друзьями, в разгар веселья художник молвил: «Выпейте за меня, за мое здоровье. Мне уже пить не придется». Затем встал и удалился наверх. Это был конец — Пикассо умер. «Да, об этом можно написать песню», — подумал я и тут же вспомнил Дилана. Песню легче писать на конкретного исполнителя. Я уже видел Дилана, поющего «Выпейте за меня…» Дастин не мог усидеть на месте, он дергал жену, повторяя: «Ты только посмотри, он уже сочиняет…» Работу над этой песней я закончил в Лагосе, при записи мы с

Джинджером Бейкером добавили как бы запаздывающее по отношению к основной теме звучание ударных.

По финансовым соображениям нам приходилось делать записи за границей. В противном случае, правительство заявило бы, что раз записи сделаны в Великобритании, то и деньги, вырученные от их продажи, должны вернуться в страну. Это означало бы выплату 98 % налога, т. е. с каждого фунта прибыли я бы получал 2 пенса, а правительство — 98. Но лучше, как в США: с доллара правительству — 30 центов, а мне — 70.

Я люблю читать научную фантастику, например, «Foundation» Азимова [73]. Масштабность и глубина его произведений поражает. Такие книги становятся толчком к творчеству. Помните, как в песне «Venus And Mars»: «Сидя на станции в ожидании чуда…» Словно в романе Азимова — в ожидании космического корабля «Starship 21 Z NQ9».

Когда мы отмечали в Штатах завершение работы над альбомом «Venus And Mars», кто — то поприветствовал нас так: «Привет, Венера! Привет, Марс!» Но я не могу согласиться с этим. Работая над песней, я никогда не имею в виду себя. Любой психоаналитик возразит мне: «Ну — ну приятель, сочиняя, ты отталкиваешься от собственного «я»". Но лично я так не думаю.

Песня «Venus And Mars» о парне, подружка которого сильно увлечена астрологией; она из тех, кто, знакомясь, в первую очередь интересуется вашим знаком зодиака. В песне поется: «Моя подружка изучает звезды», хотя в первом варианте было иначе: «Моя подружка следит за звездами». Но это выглядело менее определенно.

Я и не знал, что Марс и Венера — самые близкие к нам планеты. Я просто перебирал в памяти названия: Юпитер, Сатурн… Все не то… А вот Марс и Венера — как раз то, что надо. Потом еще и затмение произошло. Впервые за тысячу лет планеты выстроились в одну линию. Но мой выбор пал на эти планеты чисто случайно. Простое совпадение. Я понятия не имел, что они символы любви и войны, вовсе не думал о картине Боттичелли, как позже предполагал Джордж Мелли.

Название песни «Mull Of Kintyre», ставшей в 1977 году в Британии хитом, связано с местом, где находится моя ферма. Вы наверняка не раз слышали в фильмах шотландские народные песни. Почти все они старинные. Я считаю, что современных шотландских песен просто не существует и их не будет до тех пор, пока не появятся подделки в американском или британском стиле. Мне и захотелось самому попробовать написать нечто в стиле шотландской народной песни. Я питаю особые чувства к Шотландии. До распространения романского влияния на Англию

здесь существовала древняя кельтская культура. Наше общее прошлое мне нравится.

Я дал объявление, чтобы собрать в моей студии, под которую был специально оборудован большой сарай, всех местных кэмпбелтаунских волынщиков. Ко мне, желая продемонстрировать свои возможности, явился солист их группы. Это было чудовищно. Отказавшись играть на кухне из боязни оглушить нас, он увлек меня в сад и разошелся на полную катушку. Стало ясно, что они ничего не могут на своих волынках, пока не найдут определенную гамму, а уж тональность поменять просто не в состоянии. И все же я написал песню, в которой использовал эти мотивы. Чтобы довести все до конца, пришлось позвать в мой сарай всех волынщиков. Была ночь, но шум стоял невозможный. Так и получился наш хит!

Концерты 1979 года, устроенные мной под эгидой ООН, проводились в помощь кампучийским беженцам. Но они, увы, так и не стали значительным явлением. Мы не смогли в полной мере придать им международное звучание, хотя замысел был интересный: концерты в местах скопления горожан, каждый день в течение недели. В музыкальном отношении альбом получился, а вот само шоу я просто ненавидел. По — моему, оно стало нашей последней совместной работой с «Уингз». В значительной степени неудача была обусловлена мониторами, установленными на сцене. Когда вы не слышите себя, выступление не получается. От скрежета моей бас — гитары меня бросало в холодный пот.

Первым в организации таких концертов был Джордж (Харрисон) со своим Бангладешским шоу, по — своему замечательным и невероятным. Тогда меня приятно поразили музыканты, проявившие большую заинтересованность. Теперь такие концерты, проводимые по инициативе «Эмнисти интернэшнл», попадают в центр всеобщего внимания, и получается, что музыканты делают порой для людей больше, чем целые правительства. Как это было, например, на фестивале «Live Aid».

Целых десять лет я не испытывал удовлетворения от новых песен. И все из — за глупой привычки сравнивать «Уингз» с «Битлз». Лишь постепенно я понял, что «Уингз» пользуются заслуженным успехом. Между прочим, вчера я слышал, как ребенок интересовался моим прошлым творчеством: «Мама, в какой группе раньше пел Маккартни?»

Мой второй сольный диск был задуман как более простой. Не знаю, насколько мне это удалось. В отличие от первого, записанного в комфортных условиях, над вторым я работал в заброшенном фермерском доме на юге Англии. Вооружившись

бас — гитарой, ударными и магнитофоном, я устроился в комнате, служившей когда — то гостиной, и один сделал всю запись. Самое удивительное, что работая над этим альбомом, некоторые песни я сделал буквально за десять минут. Еще десять пошло на то, чтобы добавить партию маракас. Я как заколдованный, как малое дитя, тряс этими маракасами, добиваясь нужного эффекта.

Над альбомом «Tug Of War» и «Pipes Of Peace» мы работали вместе с Джорджем Мартином. На запись мы потратили уйму времени. Когда пришли счета на оплату студии, я подумал, что на такие деньги можно смонтировать целую студию. Потому — то я и заимел свою. Что касается песен с этих альбомов, то я предпочитаю заглавные: «Pipes Of Peace» цельная вещь, обладающая какой — то внутренней притягательностью; «Tug Of War» — своего рода пояснение к моей карьере, содержащее довольно точное резюме.

Однажды, в конце 70–х, мне позвонил Майкл (Джексон) [74]. На вопрос, зачем я ему понадобился, он ответил: «Хочу сделать несколько хитов». «Порядок, приезжай», — сказал я. Почувствовав его активную заинтересованность в работе, я написал для него «Girlfriend», которую позже включил в альбом «London Town». Мы вместе написали «Say Say Say» и «The Man», а Майкл самостоятельно сочинил «The Girl Is Mine». Работать с ним было одно удовольствие. Нередко он обращался ко мне за советом, и я чем мог помогал, но постоянно повторял одно: «Имей дело с деловыми людьми, которым ты можешь доверять». Однажды Майкл выкинул номер, заявив, что хочет приобрести права на мои песни. Я не придал значения его словам, бросив в ответ что — то вроде: «Ха! Ну ты даешь, малыш!» Но как — то мне позвонили и сообщили, что он купил мои песни. Я подумал, что это глупая шутка. Но нет, все так и было. Майкл вложил в дело все, что заработал на фильме «Триллер». В свое время я и сам хотел купить права на песни, но моим планам воспрепятствовала Йоко. Правда, это уже другая история. Так или иначе, но Майкл получил их. Что ж, в любви и на войне все средства хороши. Смешно, не правда ли? Получается, что и «Yesterday» в большей степени принадлежит Майклу Джексону, чем мне. Это раздражает. Надо бы переговорить с Майклом. (Криво ухмыляется). Я, конечно, не держу зла. Но, Майкл, если ты меня слышишь, знай, я верну «Yesterday», «Here, There And Everywhere» и несколько других. Просто так — ради смеха.

Я часто говорил многим, что мне не хватает хорошего, понимающего коллеги, такого, например, как Джон. Ведь работая с ним, мы прекрасно понимали и дополняли друг друга. Я

начинал петь: «Жизнь все лучше и лучше», а Джон потихоньку вставлял: «лучше некуда». Когда у тебя есть такой друг и коллега, тогда ты начинаешь «выкладываться» по — настоящему.

Работа с Элвисом Костелло [75] доставила мне удовольствие.

Мне импонирует его прямота. Элвиса нельзя отнести к уступчивым людям. Это хорошая черта. У него всегда есть свое мнение. Когда его спрашиваешь: «Как тебе нравится вот это?», он не говорит «м — м–м» или «ах». Он отвечает: «Мне это нравится» или «Мне это не нравится». Я даже сказал ему как — то, что он мне немного напоминает Джона. Мы записали только одну песню, а я уже подумал: «Господи, это почти «Битлз», он действительно взял на себя роль Леннона». Сначала нас это несколько беспокоило, но потом мы привыкли. Мы сделали несколько пробных записей тех вещей, которые мне нравились. Наши голоса удачно сочетаются и звучат вместе красиво. К тому же Элвис — работяга, не пижон. Он не будет сидеть и часами думать, грызя карандаш. С Элвисом у меня многое получается, но говорить о постоянном сотрудничестве пока не буду. Ведь тогда все будут ждать от нас чего — то значительного и в конечном итоге могут быть разочарованы.

Я хотел бы записать пару песен Джона, попробовать спеть «Beautiful Boy» и «Imagine» и еще что — нибудь из раннего. Больше всего мне хочется исполнить «You Will Be Mine», и если я не запишу эту песню, то хотя бы исполню на каком — нибудь концерте.

Наверное, собственный стиль меняется с появлением новой музыкальной аппаратуры, электронных ударников и всего прочего. Так было и со мной. Когда мы собрались для записи пластинок «All The Best!» и «Back In The USSR», то хотели просто поиграть, просто попеть, тряхнуть стариной, чтобы подготовиться к записи большого альбома. Мне нужна была та беззаботная атмосфера кофейни, знаете, «давай тащи инструмент, может, посидим, поиграем» — что — то в этом духе. Но, конечно же, обстановка сразу стала более формальной, это неизбежно.

Ребята все время спрашивали: «А твои песни мы будем играть?» И мы исполнили «I Saw Her Standing There». Но я только и думал о том, чтобы играть старый «доисторический» рок. И вот мы начали с «Twenty Flight Rock», потом пошла «Oh, My God, Miss Cloudy», немножко Фэтса Домино, Сэма Кука [76] и т. д. Мы даже осмелились сыграть «Now Or Never» из репертуара Элвиса Пресли. Кое — кто недовольно нахмурился, узнав, что мы будем записывать эту песню, но потом всем понравилось. Прямо как в Гамбурге в старые времена. Там она пользовалась огромным успехом.

Одним словом, музыканты вкалывали, ничье самомнение нам не мешало. Я подумал, что так обычно записывались «Битлз». Ну и, конечно же, ошибки барабанщика, ненастроенные гитары и все такое. Но ведь часто именно благодаря этим ошибкам музыкальное произведение и становится запоминающимся, а потому популярным. Если вдруг возникал какой — нибудь странный звук, мы его оставляли, чтобы у записи был свой, характерный привкус. Когда пытаешься что — то подправить, обычно только все портишь.

Я прекрасно знал, что можно сидеть и обдумывать все это часами, а можно сразу взять и записать. Поэтому я сказал ребятам: "«Kansas City» в тональности соль, немножко безалаберно», показал, где сделать паузы, как закончить. И все. А потом: «…три, четыре, и… начали!» Ну и кивком показал, кому вступать в соло. Они играли великолепно. Весь секрет в том, что у них не было времени на обдумывание. Больше двух дублей мы не делали, и то лишь в том случае, если в первый раз совсем ничего не получилось. Мы записали 18 песен за один день и столько же за следующий. Пластинку «Back In The USSR» я делал для души. На ней рок — н–роллы, песни моей юности. Я думаю, что всегда стараешься исполнять музыку, которая по душе. И конечно, надеешься, что она станет популярной. Мне кажется, что не следует исполнять музыку, в надежде, что она станет популярной, если она самому тебе не нравится. Думаю, что слушатель всегда знает, когда его пытаются обмануть.

Я не думаю, что у музыки и политики много общего, но когда я рос на Западе, мы интересовались Россией. Мои родители, бывало, говорили мне: «Мы вместе воевали, мы были союзниками в войне». Мы всегда смотрели на Советский Союз как на друга. Но потом вмешалась политика, и между нами возникла стена. В то время (60–е годы) многое между Советским Союзом и Западом было запрещено. Это касалось не только музыки. Мы предвидели такое отношение, и нас оно не слишком тревожило. Это не оттолкнуло нас от русских. Мы вас любим. Ужасно! Мы часто слышали, что молодежь интересовалась нашей музыкой и слушала наши пластинки. С тех пор у меня очень много заочных, но преданных почитателей.

Я всегда был оптимистом в вопросе отношений между нашими странами. Сейчас отношения становятся более теплыми и мне захотелось, чтобы это была не просто пластинка, одна из многих. Я подумал, что поскольку все мои пластинки обычно выходят здесь (в Великобритании) или в Америке, а в Россию попадают позднее, было бы неплохо сделать наоборот. Тот новый дух дружбы и открытости, который исходит из России, побудили

меня сделать ответный жест — подарить диск моим поклонникам в вашей стране. Для меня важно, чтобы люди там узнали, что здесь у них много друзей.

Возможно, толчком послужил репортаж из Советского Союза, подготовленный американской телекомпанией Эй — би — си, который я увидел по телевизору. Репортер подходил к детям, домохозяйкам, прохожим на улице, заводил самый обыкновенный разговор, и, вы знаете, я увидел обычные, нормальные лица людей. А ведь Россия для нас существовала всегда за «железным занавесом».

Хотите, я составлю символическую рок — группу из тех музыкантов, которые, как мне кажется, на сегодняшний день лучшие? Вокал — Роберт Плант [77], гитара — Эдди ван Хален, клавишные — Стиви Уандер, ударные — Фил Коллинз [78], бас, хоть и нескромно, но на бас — гитаре буду играть я.

При создании группы, как и при комплектовании футбольной команды, весьма трудно найти оптимальное сочетание игроков. Ведь одиннадцать звезд на поле — это еще не команда, как подтвердил чемпионат мира по футболу в Мехико [79]. Объединить усилия двух сильных музыкантов не сложно. А вот найти группу, участники которой отлично понимают друг друга, дело непростое. Все равно что удачный брак.

Надо четко провести границу между критикой и критиканством. Я понимаю, что на всех не угодишь, но здравый смысл в оценке творчества, на мой взгляд, должен быть более серьезным аргументом, чем субъективная схоластика типа «доминант — септ — аккорды в финальной части превалируют над дольными структурами, обедняя гармонию произведения». Это и есть критиканство, когда сказать нечего, а говорить надо. Когда мы со Стиви Уандером написали песню «Ebony And Ivory», мы хотели сказать всему миру, что люди всех цветов кожи должны и могут жить в дружбе и согласии, но нашлись критики — нет, критиканы, которые написали в своих газетах только одно слово: «чепуха». Понимаете? Это как раз тот случай, когда одно слово может убить. И вроде действительно чепуха, но я слег на несколько дней. Все время вертелась мысль: «А может быть, они правы, а я действительно дурак, на что замахнулся?» Но проблема — то существует! В ЮАР, в меньшей степени в США, но она есть. И вы знаете, когда я понял, что работал не напрасно? Во время гастролей в Лос — Анджелесе. Ко мне за кулисы пришел Эрни Уоттс, великий черный саксофонист и сказал: «Огромное спасибо за эту песню». А в глазах у него стояли слезы. Я вначале не понял, почему у него была такая реакция, но кто — то сказал, что он женат на белой женщине… И мне стало безразлично мнение

критиканов. В конце концов, если моя песня помогла хотя бы одному человеку, значит, я жил не напрасно.

Большинство моих песен так и остались неоконченными. Нет, нет, я говорю не о черновых набросках, а о том материале, который записан на пластинках. Я иногда слушаю свои старые записи и не могу избавиться от мысли, что большинство песен скомкано, мелодические линии не развиты, ритмы слабые. Поэтому, возможно, некоторые оказались слишком мягкими, но вся беда в незавершенности. Порой критики говорят: «Да это же какое — то желе, а не песня!», — и я готов с ними согласиться — я никогда не спорю с объективными истинами. Но если уж совсем честно, то таких песен у меня немного, например «Ве Вор» из альбома «Wild Life». Я просто слышать ее не могу, это какой — то кусок бездумья. Но, к счастью, подобная халтура у меня редко проходит.

Настоящие музыканты никогда не прибегают к сомнительным текстам. Площадная брань как средство самовыражения? Простите, но это вопрос воспитания. Я знаю, когда, например Блэкмору [80] некуда девать свои эмоции, его разговор со слушателем становится наиболее выразительным — его гитара смеется и плачет, умоляет и обличает. Не забывайте, мы же музыканты! И для нас прежде всего важна музыка — ни одна даже самая пламенная речь не сможет передать вопль души так, как это можно сделать одним аккордом. А насилие, убийства, сатанизм — от бесталанности и плохого воспитания. И слушают такие песни тоже, как правило, невежественные люди. Это замкнутый круг: одни создают, другие потребляют, но создатели и потребители в этом случае принадлежат к одному клану — клану нравственных уродов. Вы поймите, я за свободу творчества, но здесь эта свобода сводится к лозунгу «Да здравствует идиотизм!». Вы обратите внимание, такие музыканты никогда не участвуют в совместных концертах с рок — музыкантами, работающими в других направлениях. А почему? Да потому, что концерт — главная проверка твоих профессиональных способностей, а такие деятели на фоне настоящих музыкантов выглядят просто дилетантами. Да, они гастролируют, но это не гастроли групп или певцов, а демонстрация достижений электроники.

У нас в Англии мало хороших радиопрограмм. Беседуя с одним чиновником из «EMI», я предложил создать станцию для трансляции только хорошей музыки: «Роллинг Стоунз», «Битлз», «Лед Зеппелин» — ведь именно ее хотят слушать люди. Ответ был категоричен — у них нет такой возможности.

Хотите не потерять контакт со своими детьми — заполните

их жизнь тем, что придется им по вкусу. Когда я был ребенком, то лишь раз в неделю в течение часа мог слушать то, что мне было интересно. Но в это же время в эфир выходило любимое шоу отца, и каждый раз нам приходилось полюбовно договариваться, кто же на сей раз будет слушать радио. Сегодня можно было бы пожертвовать частью времени «Ярденинг Типс» для «Лед Зеппелин», но человек из «EMI» заявил мне: «Старик, ты никогда этого не дождешься в Англии». Никогда! И все.

Подобная проблема существует и в кинематографе. Недавно я наконец — то выбрался в кино, уже не помню, как назывался фильм, но дело не в названии. Мне трудно пересказать вам содержание — его попросту не было: герои лупили друг друга чем попало, море крови, каждое второе слово в диалогах нецензурное. Я не пуританин, но это, по — моему, слишком. После сеанса возникает единственная мысль: «Неужели искусство может пасть еще ниже!» Я не против того, чтобы режиссеры и прочие деятели искусства расширяли границы своего творчества, просто мне кажется, что некоторые двигаются в направлении тупика. Может быть, я рассуждаю по — стариковски, я и есть старик (смеется), но вообще — то неплохо устроить какой — то надзор за всей этой стряпней, только чтобы он не был очень назойливым.

Я превосходно знаю, как превратиться в твердого парня: надо быть желчным, говорить, что в мире нет ничего, кроме рок — н–ролла, быть самым мрачным в мире, одеваться с утра до вечера в черное, как металлист ходить в шипах, иметь группу, которая носила бы поистине зверское название, типа «Злость»… Я могу это сделать, конечно могу, это легко. Но просто это не тот образ жизни, который мне подходит. Я знаю таких людей, насмотрелся на них вдоволь, и мне не понравилось. Это угнетает. Нужно быть очень — очень сильным, чтобы в жестоком мире музыкального бизнеса публично отстаивать нормальные ценности, чтобы сказать: «Да, мне нравится любовь. И мне нравятся дети». Что? Говорить, что ты любишь детей, в мафии рок — н–ролла? Или что тебе нравится семья? Фу! Пошел ты… Но мне нравится. Выходит, что мне повезло, у меня чудесная семья, меня окружает народ из Ливерпуля, рабочий народ, добрый и крепкий, абсолютно нормальный, веселый, симпатичный, дружелюбный и солидарный. Это самые обыкновенные люди. Но клянусь Богом, в них есть здравый смысл в самом верном смысле этого слова. Я встречал многих: премьер — министров, государственных деятелей и мэров большинства американских городов. Однако я никогда не встречал таких интересных, удивительных и мудрых людей, как мои ливерпульские родственники.

Я живу в Англии и буду здесь жить. Мне нравится это место. По крайней мере, в доброй старой Англии ни ураганов, ни землетрясений не бывает. И вообще, когда я возвращаюсь сюда из Америки, я всегда вижу — англичане не подведут. Они стойкие. Я люблю англичан. Англия — это Англия, и Британия — это Британия, и я люблю эту страну, я люблю идти по улице в солнечный день — ну вот как сейчас — и знать, что люди вокруг такие же, как я.

С вступлением Англии в «Общий рынок» связаны и некоторые неприятности. Например, замена милей километрами, акров гектарами и т. д. Как много иностранных слов! Я не против их введения, но ведь надо сохранять и английские названия. У нас очень сильны традиции, а некоторые их ненавидят, стремятся уничтожить, заменить чем — то новым. Но идти на перемены без уважительного отношения к старому неразумно. Можно наделать массу ошибок. У нас и так достаточно заимствований в языке, и нет смысла переходить на все эти километры, гектары, килограммы, литры… Лично я не собираюсь заниматься изучением подобных слов, они меня слишком раздражают.

Недавно мы участвовали в кампании протеста против закрытия местной больницы в графстве Сассекс, где мы живем. В принципе, лично меня это не касается. Я мог бы построить себе собственную больницу, если бы захотел. Но меня волнуют люди, которым эта больница действительно нужна. Почему их жизнью дозволено манипулировать какому — то безымянному бюрократу, сидящему у себя в кабинете? Вот это по — настоящему меня задевает. Я не вижу никакой причины вдруг становиться членом среднего или высшего класса, потому что у меня есть деньги. Мне говорят: «Ты больше не принадлежишь к классу трудящихся». А я говорю, что принадлежу — я чертовски много работаю.

Возьмем хотя бы наши тред — юнионы: да, они борются за права трудящихся, но при этом совершенно забывают о рабочих — пенсионерах, которые умирают в неотапливаемых квартирах. Часто мы об этом задумываемся? А отношение Англии к апартеиду? Не знаю как вас, а меня оно просто бесит: после стольких лет болтовни политиков о равенстве, после убийства Мартина Лютера Кинга [81] мир все еще продолжают делить на белых и черных. Какая — то повальная паранойя среди политических деятелей. Когда же они наконец выздоровеют?

Я просто восхищен оборотистостью «Сан»! Подумать только, Маккартни — расист! Это же сенсация! Вот уж поистине рыцари пера без страха, а главное, без совести. Знаете, когда мы делали альбом «Let It Be», возникло два варианта песни «Get Back», но ни один из них не содержал в себе каких — либо расистских мыслей,

наоборот, они были антирасистскими песнями. В то время много писали о Пакистане, о тяжелом экономическом положении в стране, о том, что много пакистанцев приезжают на заработки к нам. Я где — то прочитал, что они ютятся по шесть человек в крошечных комнатушках. И в одном из вариантов «Get Back» появилась строчка: «Слишком много пакистанцев живет в одной комнате». «Сан» почему — то сочла эту фразу призывом к расистским выступлениям против пакистанцев, но эти писаки сознательно не цитируют следующую строчку: «Господа в правительстве, обеспечьте этих несчастных нормальным жильем». Иначе рухнет весь их замысел.

Раз уж мы заговорили о расизме, я вам вот что скажу: если в те годы и была какая — то нерасистская группа, то это «Битлз». И это не сложно доказать. Когда мы впервые приехали в Штаты, на пресс — конференции кто — то задал вопрос: «Кто ваши любимые музыканты?» Мы начали перебирать: Рэй Чарльз, Чак Бэрри, Смоки Робинсон [82]… У них челюсти отвисли: в те годы ни один белый музыкант в Америке даже в мыслях не признался бы, что любит черную музыку. Да и в Англии предпочитали не распространяться на эту тему. Никогда бы не подумал, что меня обвинят в расизме.

Какие женщины мне нравятся? На мой взгляд, хорошо, когда в женщине сочетаются несколько качеств: привлекательная внешность, ум (пустых и легкомысленных женщин я не люблю), душевность.

Ни внешне, ни внутренне миссис Тэтчер [83] мне не нравится. Ее отличает лишь ум. Но если говорить серьезно, она мне надоела. Очень равнодушный человек и политик. Не принимает никаких мер помощи безработным, меня бесит ее безразличное отношение к проблемам в Южной Африке. Черные совершенно справедливо требуют принятия санкций. Нельзя делать вид будто таких проблем не существует вовсе, как поступают Рейган [84] и Колль [85]. Мы очень виноваты перед черными. Именно мы, британцы и янки, превратили их в рабов.

Легко все отвергать. Например, права чернокожих людей. Нас так воспитали. Но я не приемлю расизм. Я за мир и считаю его возможным. В какой — то степени я верю в бога, но не люблю религии, которая ведет к бедам. Арабы и евреи, католики и протестанты в Северной Ирландии… Моя мать — католичка, отец — протестант. Я продукт смешения религий. Моя семья не слишком религиозна, но мы свято верим в добро. Вообще хорошо было бы, если б люди избавились от зла, которого в них еще много.

Очень многое изменилось в людях с поры моего детства. Моя

тетушка Милл была воспитана в духе «Британской империи». Я ее спрашивал, «Почему мы убиваем индусов и туземцев на Ямайке, превращаем их в рабов? Ради сахарного тростника? — «Нет, нет, для них это благо», — был ответ. «Но мы же убиваем их. Как может убийство нести благо?» — «Мы приобщаем их к цивилизации, — отвечала тетушка. Ей уже 80 годков. У нее никогда не было доказательств своей правоты — она просто верила в то, что ей вдолбила империя, и не могла видеть того, что империя творила.

Эпоха 60–х была чрезвычайно богата искренними и благородными желаниями жить свободно, верить в возвышенное и доброе, любить искусство. Люди жаждали свободы в политике, сексе, во всем. Но в итоге мы вынуждены были вернуться в клетку.

Когда мы сочиняли песню «Revolution», Джон все время повторял, что главное — это духовный переворот, а не политический. Помните строки: «Ты говоришь, что хочешь революции. Ну что ж, все мы хотим изменить мир… А если вы идете, подняв над головой портреты председателя Мао [86], ничего вам не сделать, ибо вас не поддержит никто». По — моему, все предельно ясно, не так ли? Мы призывали к революции духа.

Мы легко могли бы бросить в многотысячные толпы: «Долой правительства — они плохие!» Мы же говорили: «Дайте миру шанс», «Все, что тебе нужно, это любовь», призывали: слушайте «Трубы мира». Мы пытались делать добро.

Я считаю, что Леннон сыграл очень большую роль в окончании вьетнамской войны. Миллионы людей пришли к Белому дому и спели «Дайте миру шанс». После этого Ричард Никсон отозвал войска из Вьетнама. Если бы эти люди просто крикнули: «Мы хотим мира», — эффект был бы гораздо меньше. В истории человечества можно найти массу примеров, подтверждающих силу музыки. Я совершенно уверен, что именно симфонии подтолкнули русскую революцию.

Россия «открывается» для нас. Как — то я посмотрел репортаж из Советского Союза, подготовленный американской телекомпанией Эй — Би — Си. Репортер просто подходил к детям, домохозяйкам, заводил самый обыкновенный разговор. И я увидел, что это обычные, нормальные люди. А ведь Россия всегда была Россией, Америка — Америкой, но их разделял «железный занавес».

Мальчишкой я часто задавал отцу вопрос: «Хотят ли люди, например немцы (а тогда они ассоциировались с образом врага), мира?» И он всегда отвечал: «Да. Люди во всем мире хотят мира.

А ругаются в основном правительства, лидеры, генералы и тому подобные типы». В том же телефильме показали старушку в платочке. Когда репортер приблизился к ней и спросил, не хочет ли она пожелать что — нибудь американцам, она шарахнулась от него в испуге. Потом остановилась. По ее лицу видно было, что она о чем — то напряженно думает. А затем, глядя в камеру, промолвила: «Скажите, что мы хотим мира». И мне подумалось: это же великолепно, что именно такие слова сказал представитель советского народа — американскому. Эта сцена произвела на меня огромное впечатление.

В Шотландии у меня есть овечья ферма. Мои соседи постоянно имеют дело с землей. У этих парней ладони, как наждак, все в трещинах. И у всех один и тот же ставший привычкой жест, — Пол потер пальцы, словно очищая невидимые комья земли.

В фильме о России был показан русский крестьянин, делавший абсолютно те же движения пальцами, что и фермеры в Шотландии. Значит, все люди одной породы, все живут на одной планете и все хотят мира и труда. Может, мои рассуждения наивны, но меня это не тревожит. Мы идем в правильном направлении. И я сделаю все, чтобы помочь этому. Ведь так легко понять жесты близких к земле людей. А альбом — это ответ на вашу гласность. Я понял, что у нас одни заботы, интересы. Чтобы сделать такой вывод, не надо быть политиком.

Разница между нынешним десятилетием и 60–ми поистине огромна. Постоянный творческий поиск и романтику 60–х в 90–е годы, к сожалению, во многом вытеснил рационализм. Что хорошего принесли людям годы правления Рейгана? Я считаю, что ничего.

В 70–х и 80–х годах не произошло ничего такого, что взбудоражило бы умы. Не появилось никакой новой философии, никакой новой мысли, никакой новой идеи, ничего, что продвинуло бы людей вперед.

В то время у молодежи впервые появилось чувство собственного достоинства, уверенности в себе. И они стали говорить по — своему о том, что их волновало: о любви, о дружбе, о медитации, об экологии. В 70–х многое из этого было отброшено и забыто. Может быть, потому, что сами идеи были скомпрометированы тем, что многие молодежные лидеры стали известны как наркоманы. А сегодня многие вспоминают 60–е годы с хорошей стороны. Экологическое движение набирает силу, хотя в целом ситуация с охраной окружающей среды не внушает мне оптимизма.

Сегодня мы вновь стоим перед выбором: или примириться с

обыденными взглядами, или сохранить верность идеалам. Или в погоне за модернизацией промышленного производства мы окончательно уничтожим все живое, или отвергнем традицию разрушения окружающей среды. Вроде и политики начинают говорить здравые вещи. Даже Мэгги (М. Тэтчер) как — то заявила: «Зеленое — это так красиво!» Хотелось бы верить, что большинство людей придет к этой мысли. Только не опоздать бы.

Джордж Буш хотел бы войти в историю как экологический президент. Прекрасно. Но что он для этого сделал? Ничего. Американцы только эксплуатируют природу. Они вложили кучу денег в вооружение, в котором они уже больше не нуждаются. На развитие альтернативного источника энергии, например энергии ветра, в Америке идет смехотворно маленькая сумма, точно так же, как и в Англии, ведь это на самом деле никого не интересует. Атомная энергия по — прежнему является основной, даже после Чернобыля.

Я действительно против бегов и вообще всяких экспериментов над животными. Я видел совершенно жуткую фотографию: коту подключили электроды прямо в головной мозг. В его глазах, полных боли и ужаса, я прочитал: «Боже мой, что же вы со мной делаете?»

Меня злит, когда меня обвиняют в наивности. Когда я был с концертами в Японии, мне посоветовали ничего не говорить об экологии, дескать, там очень развит китобойный промысел. Но я не позволил этим себя запугать, и теперь в Японии также есть отделение нашего движения «Друзья Земли». Конечно, это наивно, хотя, по — моему, это скорее романтично. Но в любом случае это лучше, чем вообще ничего не делать.

Я думаю, что концерт «Лайв эйд» очень хорошо продемонстрировал, как важно помогать людям в беде. «Лайв эйд» был организован потому, что политики в мире не реагировали на проблему голода миллионов людей. И поэтому музыканты, исполнители должны были вмешаться. Вообще — то это не дело, когда группа музыкантов пытается исправить положение дел в мире. Этим должны заниматься правительства. Но правительствам свойственно давать обещания и не выполнять их. Мне кажется, что музыканты всегда старались помочь в беде. Так, например, в свое время состоялся концерт в помощь народам Бангладеш, Камбоджи. Я считаю, что очень важно проявлять заботу о других.

Когда мы впервые услышали об угрозе озоновому слою, то многие из нас подумали, что правительства не допустят катастрофы. Но они позволили этому случиться. И теперь всем нам необходимо сделать что — то для того, чтобы спасти нашу

планету. Это может быть и участие в организации «Друзья Земли», и отказ от использования аэрозолей, и организация вторичной переработки бумаги. Суть в том, что, хотя в мире существует множество проблем, спасение планеты — самая главная проблема. Потому что, если наша планета погибнет, то тогда попросту не будет смысла решать другие проблемы. Что бы я сделал, если бы был волшебником?

Спас бы нашу планету. Ну и, конечно же, сделал бы так, чтобы на Земле установился мир. Установился навсегда.

Трагедия Чернобыля сильно меня взволновала. Я ведь сам живу всего в десяти милях от реактора. Беспокоит и то, что Великобритания импортирует ядерные отходы, а потом создает морские могильники. Бред, да и только. Правда, и в Англии потихоньку набирает силу движение зеленых.

В Бога я верю, а в официальные религии, со всеми их структурами и атрибутами, нет. И, конечно, Бог не персонифицирован. Дух добра — вот, во что я верю. В этом смысле концерт «Лайв эйд» [87] в пользу народов Африки был для меня подлинно религиозным событием. А Церковь для меня ничего не значит, хотя я и был крещен. Ужасно смешно, когда папа римский, человек не состоящий в браке, назидательным тоном указывает правила поведения для супружеских пар. Глупость! Моя вера — синтез различных учений. Несколько больше мне импонирует индуизм, мы тоже вегетарианцы.

Увлечение наркотиками в 60–е годы было своеобразной реакцией на употребление нашими родителями спиртных напитков. В Америке мы открыли для себя марихуану, которая показалась нам весьма безобидным средством, по сравнению с алкоголем.

Наш менеджер Брайан Эпстайн [88] умер от того, что часто употреблял смесь алкоголя и таблеток. Сегодня я хочу сказать, что найти счастье в жизни можно, не принимая наркотиков. А всем начинающим мой совет: «Выбросьте наркотики прочь! Думайте о здоровье!»

Я не понимаю, почему всем так хочется, чтобы я был наркоманом, расистом?! В моей жизни нет места наркотикам, я ненавижу их! Однажды, дело было в студии «Эбби роуд», когда мы работали над альбомом «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band», кто — то из персонала подсунул мне таблетку ЛСД. Боже, если бы вы знали, через какой ад я прошел! Никогда не думал, что окажется так страшно! До этого мне много рассказывали об ощущениях, которые по яркости не сравнимы ни с чем, но, кроме ужаса и невероятного страха, я ничего не почувствовал. Честно говоря, я не понимаю, зачем люди сознательно принимают эту

отраву. После того случая у меня больше ни разу не возникало желания еще раз погрузиться в такой кошмар. И слава Богу, что я не стал принимать наркотики — слишком много моих друзей прошли через этот ужас, я был свидетелем их падения. Вы не представляете себе, как страшно, когда талантливый человек на твоих глазах превращается в убогое, трясущееся существо, находящееся в рабской зависимости от укола или таблетки. Слишком много было таких… И лишь немногие сумели выбраться из трясины.

После распада «Битлз» я много пил, пристрастился к героину. Дела мои были совсем плохи. Был у меня один приятель, который повторял, что героин не повредит, коль скоро я всегда могу найти деньги на него. «Ты в порядке, — твердил он мне, — ты написал «Yesterday»", и какое — то мгновение я чуть было не поддался ему. Потом появилась Линда, а с ней и здравый смысл. Я ей многим обязан.

А то, что происходит сейчас… По — моему, новое поколение наркоманов еще более невежественное, чем все предыдущие. Если раньше мы прекрасно понимали, что наркотики — самообман, даже сами наркоманы отдавали себе в этом отчет, то сегодня есть такие, кто считает, что наркотики такая же естественная составляющая жизни, как телевизор. Логика простая: одним источником дурмана больше, одним меньше — какая, в сущности, разница?

Что касается бремени славы Пола Маккартни, мой способ защиты — не чувствовать себя Полом Маккартни. Он — знаменитая часть меня, он бизнес. Внутри же я чувствую себя как прежде — парнем из Ливерпуля. Мне нравится то же, что и раньше. Природа, например. Такие вещи меня внутренне поддерживают, потому что они неизменны. Весеннее пение птиц сейчас совершенно такое же, как в то время, когда мне было пять лет, оно не меняется от того, что я Пол Маккартни. Во мне как бы две личности: одна — знаменитая, которая делает свою работу, а другая — мое подлинное я. Вот — музыкант, а вот — импрессарио. Музыкант поет и играет, а тот, другой, разбирается с проблемами, порожденными славой, и общается с бизнесменами. Стараюсь их не смешивать.

Для бизнесменов музыка — товар. Они заставляют или «уговаривают» группу выпустить пластинку, скажем, до Рождества, чтобы годовой итог деятельности компании выглядел получше. Мне это не по душе, я не люблю деловую сторону творчества. Помню, был год, когда мы с Джоном писали мало песен, и тогда акционеры компании в ужасе забегали и закричали: «Конец! Продавайте! Продавайте!» Они толпами

прыгали с нашего корабля. А мы работали над «Sgt. Pepper» или чем — то еще в этом роде.

Зарабатывание денег и творчество — вещи связанные, но не зависящие друг от друга. Я уверен: если бы компании мира разом отказались выпускать мои пластинки, я все равно бы продолжал писать. Музыка — это то, что я всегда делал с 14 лет, когда написал первую песню. Если кто — то и давит на певца, когда он становится «коммерческим», так это он сам. Я пишу не для критиков, а для собственного удовлетворения. Каждый раз, когда я сажусь сочинять новую песню, это оказывается ни легче, ни труднее, чем было раньше. Но мне это по — прежнему нравится. Садишься за рояль и начинаешь играть «динь — дэн», музыка постепенно захватывает, я воодушевляюсь и говорю: «У — у, похоже, что — то получается». Проблема состоит в том, что известность и богатство приносят с собой определенные трудности. Но именно эти трудности все хотят испытать, не правда ли? Все говорят: «Дайте мне стать богатым, а уж с трудностями я как — нибудь справлюсь». Но когда оказываешься в таком положении, это становится бременем, о котором ты не перестаешь сокрушаться. Когда я еще играл в «Битлз», то понял, что возврата нет и уже невозможно перестать быть знаменитым, поскольку даже если бы я ничего больше не создал и уже ничего собой не представлял, то я все равно оставался бы тем, кто входил когда — то в ансамбль «Битлз». Я сказал себе: «Что ж, будет лучше, если ты научишься с этим жить, чем сожалеть об этом».

Я всегда пытался остаться нормальным человеком и ненавижу, когда говорят: «Смотрите, Пол пытается быть мистером Обычным, мистером Обыкновенным». Ненавижу, потому что знаю, что я не такой и никогда не смогу быть таким. Помню, Джордж (Харрисон), большой любитель машин, не понял меня, когда я захотел ехать на простом автобусе, а не на только что купленном роскошном автомобиле. Его отец был водителем автобуса, и для него это был шаг вниз, шаг назад. Я же далек от этого. Для меня проехаться на втором этаже автобуса, подумать и посмотреть по сторонам — по — прежнему удовольствие. Я по — прежнему это люблю.

В конце июля 1990 года я завершил крупнейшее мировое турне в своей жизни — исполнил 102 концерта в 13 странах. В конце этого года я снова надеюсь выйти на дорогу. Между этими двумя турне я выпустил тройной «живой» альбом, акустический альбом «Unplugged — The Official Bootleg'91». Песни из него прозвучали на шоу «Эм — Ти — Ви». Выпустил альбом «Liverpool Oratorio'91». Выпустил, наконец, на Западе альбом рок — н–ролла

«Back In The USSR», который до этого выходил только в России. Этой зимой работаю со своей группой над новым студийным альбомом, с которым и надеюсь отправиться в турне. Вслед за альбомом «Unplugged — The Official Bootleg'91» мы сделали несколько импровизированных концертов в Барселоне, Копенгагене, Лондоне и Корнволе. Так что я по — прежнему нахожу сегодняшнюю музыкальную сцену довольно привлекательной.

В 50–х и 60–х годах было очень много оригинальной новизны в музыке. Может быть, в этом смысле музыка и была чуть лучше. Однако и сегодня сочиняется много хорошей музыки. Мне нравится ансамбль «У-2» [89]

Что я знаю о советской эстраде? Ну что здесь можно услышать — разве что «Подмосковные вечера». Да еще этого парня… (морщится вспоминая). Да, Юрия Антонова. Мои познания ограничиваются хором ансамбля Красной Армии. Но их исполнение — великолепно.

«Автограф», «Диалог». И еще я видел по телевидению отрывки из выступления авангардистского джаза. Весело. Приятно было видеть, что это происходит в СССР. Это еще раз доказывает, что люди везде похожи. А во всех недоразумениях виновата неумная пропаганда. Ни мы толком не знаем русских, ни они нас. Я считаю, что все эти «холодные войны», «железные занавесы» — чушь. Чем больше людей будут понимать, что русские так же, как и англичане, любят поп и рок, тем больше мы и наши дети сможем общаться друг с другом.

Вообще — то мы мало слышим зарубежных песен и исполнителей, я же предпочитаю англоязычную музыку.

Я не хочу писать танцевальную музыку, тем более техно. Это для идиотов — компьютер сам делает тебе и ударные, и басы, и саксофон. Ах да, саксофон там вообще не нужен… Дискотеки — это не музыка, а световое шоу. Не больше. Один раз я участвовал в таком деле. Это было на радио. Мне сказали: «Пол, ты будешь Ди Джеем». Единственными словами, произнесенными мною в эфир, были: «Ну ладно, ребята, я вам включаю эту пленку, а уж слушать ее придется вам самим».

У нас много молодых талантливых ребят, например, группа «UB-40», «Simple Minds» и другие. Сейчас мы проходим фазу электроники, синтезации, те — низации музыки, активно используем компьютеры. Думаю, этот период идет к концу. Люди хотят слышать естественное звучание. Об этом говорит рост популярности Брюса Спрингстина. Люди хотят человечности — роботизированная музыка могла увлечь лишь на время. Но, с другой стороны, совсем уж маловероятно, что достижения

технического прогресса останутся в стороне.

А к критике я отношусь философски. Уж если Ван Гогу не удалось при жизни продать ни одной своей картины даже брату своему, если Стравинского освистывали, а про Моцарта говорили, что «слишком много нот» в его сочинениях, то куда уж дальше. А это все величайшие люди. Я в конечном итоге пришел к выводу: если ругают, значит, я лучше, чем они думают. Меня не любят — прекрасно. Говорят пакости — отлично. Однажды они все окажутся не правы.

Я чувствую, что можем выйти на стадион и раскачать народ. Есть еще что — то такое в нас, старых птеродактилях… Но если люди меня освистают, то я уйду навсегда. Но, по — моему, до этого далеко.

Я слушаю множество групп: «РЭМ», «Стоун Кроуз», «Стоун Роузез». Думаю, группы, сохранившие популярность, просто по — настоящему умеют играть. По этой причине «Роллинг Стоунз», «Зе Ху», мы, «Грейтфул Дэд» продолжают оставаться на сцене, потому что в самом начале все мы учились играть, играть на инструментах. Именно на маленьких сумасшедших концертах, вечерниках, в пивнушках и рабочих клубах мы научились настоящей игре, настоящему искусству выступать на сцене.

«Вернись назад» — это в первую очередь работа Ричарда Лестера. Еще в 1964 году он снял первый фильм о «Битлз» «Вечер после тяжелого дня». На этот раз он хотел сделать короткий 14–минутный фильм, но потом добавил записи концертов, кое — что из нашей истории, и появился 95–минутный фильм.

Однажды вечером съемочная группа отвезла меня на Лечестер — Сквер, заляпала грязью с автомобильной стоянки, разодрала мои джинсы и выставила на углу. Ну вот я и стою там, струны дергаю, выдаю запростецкий такой вариант «Yesterday». Никто же бродяге в глаза смотреть не любит, так что никто и не замечал, что это я…

У меня примерно так получалось: «Yesterday, All My troubles (о, спасибо сэр) Seemed so far away». Сколько я тогда заработал — все сразу пошло в приют для старых моряков. Один старый шотландский пьянчуга сгрузил мне под ноги всю свою мелочь, приобнял эдак и говорит: «Ш — шо, сынок, в — во как з — здорово па — аешь!». Для гитариста такой спектакль перед такой публикой — самое главное и интересное.

Почему — то упорно распространяются слухи, что этот фильм — моя автобиография. Это не так. Эту картину можно также было бы назвать «Пол Маккартни играет «Битлз». 17 песен из 21 — это старые вещи «Битлз».

Я ничего не забыл из моего прошлого.

Распад «Битлз» был очень болезненным. Это было, как семейный развод, и коснулось в равной степени всех. Даже Джон не играл после этого старых хитов. Но на представлениях во время турне 1989 года нужно было спеть сначала известные вещи, а затем уже что — то более новое.

Во время последнего турне мы исполнили много песен «Битлз», которые я раньше никогда не играл со сцены — «Sgt. Pepper», «Hey Jude», «Let It Be». Это подействовало на меня как освежающий душ. Я чувствовал себя так, как будто пою совершенно новые песни. На маленьких концертах в Южной Америке мы исполняли много рок — н–роллов: «Here, There And Everywhere», «I've Just Seen A Face», «Blackbird», «She's A Woman».

Мы очень хотели попасть в Советский Союз. Но, увы, нам не повезло с погодой. А играть «живьем» под дождем, когда под ногами у тебя электропровода, не очень — то удобно и небезопасно.

Я давно подумывал о том, чтобы написать полное классическое произведение для Ливерпульского Королевского филармонического общества, чтобы отметить его 150–летнюю годовщину. Уже несколько раз я проигрывал варианты классического подхода к музыке — в таких моих песнях, как «Yesterday» и «Eleanor Rigby», но до сих пор мне не удавалось написать настоящую 90–минутную вещь.

Карл Дэвис сел за фортепиано, я сел рядом. Я был художником, он палитрой. Затем мы обсудили, сколько нужно использовать виолончелей: три или восемь.

Нет ни одной части, в работе над которой я не принимал бы участия. Но если критики знают лучше — пожалуйста. В свое время они не любили Ван Гога. Он не смог продать ни одной своей картины, а сегодня им нет цены….Между хорошим поваром и критиком я всегда выбираю повара.

Работать над этой композицией было нелегко, но она стала для меня совершенно новым испытанием. Мне никогда не хотелось всю свою жизнь писать музыку только в одном стиле. С годами я изменился — от песни «Я увидел ее стоящей там» пришел к «Элеонор Ригби». Это большой путь, и я хочу продолжать его дальше.

Однако Линда меня убедила в один прекрасный день, что дело Майкла Джексона танцевать, а мое дело петь и играть на гитаре. Каждому свое.

Я предложил Карлу (Дэвису) мелодии для фортепиано и гитары, а он позаботился об оркестровке. На этой стадии я тоже участвовал в работе и вносил, где надо, мои корректировки. Знаете, многие известные музыканты, например Бернстайн,

говорили мне, что как композитор я не так уж и плох. И потом я всегда чувствовал тягу к классическим жанрам. Очень люблю Бриттена [90], Штокхаузена. Коллекционирую картины — мне нравится Магрит [91], но и Тьеполо [92] тоже. И потом, помните — первая версия «Yesterday» шла в сопровождении квартета арф, а «Eleanor Rigby» — камерного оркестра.

Поначалу я и не знал, что такое оратория. Я спросил тогда Карла: «Мы что, симфонию пишем?» А он ответил: «Нет, это немного не то», — «Тогда концерт, что ли?» — «И это не то». — «Сюита?» — «Да нет же, Боже ты мой, нет!». И только когда я случайно в самолете прочитал статью, в которой объяснялось, что оратория — это духовное музыкальное произведение для оркестра, хора и солистов, но без костюмов и прочих театральных атрибутов, то понял, что это более или менее точное описание того, что мы делаем. Но я должен был это проверить, поэтому, вернувшись домой, позвонил Карлу и сказал: «Я хотел бы считать эту работу ораторией, ты как?»

Я и не знал, пойдут ли у нас с ним дела вообще. Ведь мы совершенно разные люди. Он — нью — йоркский еврей, человек изрядно поднаторевший в шоу — бизнесе, женатый на актрисе, завсегдатай театральных премьер. Я — уроженец Ливерпуля, англиканского вероисповедания, никакого отношения к шоу — бизнесу не имеющий, на театральных премьерах никогда не бываю. Я пришел к Карлу и сказал: «Так с чего мы начнем?» Он ответил: «Начнем с начала — с войны», — и взял несколько мелодичных аккордов вполне в стиле моих современных песен. А я: «Нет, нет, совсем не то, мне хочется, чтобы музыка была тревожная, чтобы она вызывала в памяти военный Ливерпуль, с бомбежками, с пожарными, несущимися во всех направлениях, с яростным звоном колоколов. Хочется, чтобы люди заерзали на своих местах — бум, бум, бум…» И Карл начал быстро — быстро писать, так что листы бумаги полетели из — под его пера во все стороны. Я ведь до сих пор не могу писать или читать по нотам, и до конца не был уверен, как музыка прозвучит. Мы с Карлом много работали в течение двух лет, и вещь мне страшно нравится, но я уже заранее набираюсь мужества, потому что наверняка появятся критики, которые попытаются не оставить от оратории камня на камне. Я готов к этому. Сначала меня немного беспокоило то, что вещь получилась несколько сладкозвучной. Я даже говорил об этом Элвису Костелло, который ответил мне, что последние два года ходит только на концерты классической музыки и буквально упивается ею. Его слова придали мне уверенности. Теперь мне нравится и сладкозвучие оратории. И когда я впервые услышал ораторию в исполнении целого

оркестра, к горлу подкатил комок, я чуть не заплакал.

Эта работа дала мне шанс кое — что вернуть Ливерпулю, городу, в котором я родился и вырос. Я хотел, чтобы это произведение впервые прозвучало в Ливерпульском Кафедральном Соборе, чтобы его исполнили кафедральные хористы — члены того самого хора, где я пробовал петь еще ребенком. Правда, тогда меня так и не приняли: не умел читать по нотам.

Когда я присутствовал на концерте в Кафедральном Соборе, люди вставали со своих мест и приветствовали финал стоя. Вот было бы здорово, если бы родители могли услышать ораторию. Хотя отцу она вряд ли понравилась бы. Он был страстным поклонником джаза, и как только по радио начинали передавать серьезную музыку, всегда говорил: «Выключи эту дрянь, пожалуйста».

Мы записали «живой альбом», и по всей Британии он вышел на первые места в списке популярных классических произведений. То же самое произошло в Штатах — такое со мной случилось в первый раз.

Оратория — это рассказ о жизни ребенка в Ливерпуле во время войны. Ребенок вырастает, становится мужчиной, влюбляется и сталкивается с проблемами обыкновенного человеческого бытия. Оратория начинается звуками налета военных самолетов на Ливерпуль. Я пытаюсь рассказать, как этот парень и его беременная жена прячутся в убежище от бомбежки.

Я хотел бы написать еще что — нибудь в том же духе — концерт для скрипки или симфонию для гитары. Мне нравится, что необязательно их исполнять самому. Когда мне исполнится 90 лет, я смогу прийти на концерт и послушать свою музыку в исполнении профессионалов.

«Антология «Битлз»: назад в будущее?»

Задумка была в том, чтобы собраться всем троим и создать кое — какие музыкальные номера для телефильма.

Когда мы сталкивались с искажениями истины, то пытались внести в рассказ свои поправки, но основное внимание сосредоточили все же на собственных воспоминаниях. В те часы собственная жизнь как бы проносилась перед моими глазами.

Слушать самих себя, слышать как мы болтали тридцать лет назад, — странное ощущение.

Страшно подумать как молоды мы были. Ведь зрители увидели нас в таких серьезных концертах, как «Эд Салливан шоу»

и «Ройал комманд перфоманс». В самый пик нашей популярности, когда я писал песню «Yesterday», мне было всего двадцать два. Просматриваешь старые ролики и думаешь: «Бог мой! Ведь мы же были просто мальчишками, моложе, чем мои дети сейчас».

Мы все больше увлекались, и по мере приближения дня нашей встречи в студии я начал задумываться: «Действительно ли для меня представляет интерес какая — нибудь песня, созданная и исполненная лишь тремя «битлами»? Так ли будет она хороша, как песенка четырех «битлов»? И отвечал себе: «Нет». Даже если бы у нас получилось что — то действительно стоящее, это все равно были бы всего лишь Джордж, Ринго и я, что было бы совсем не таким интересным, как если бы каким — то образом к этому оказался причастным еще и Джон».

Я знал, что у Йоко хранятся отдельные записи Джона, и просто позвонил ей первого января и поздравил с Новым годом. Она слегка удивилась. Я тогда был на севере, здорово повеселился в новогоднюю ночь и вернулся домой в весьма благодушном настроении, считая, что все прекрасно, в том числе и все человечество. Недолго думая, взял и позвонил ей, посчитав это хорошим поступком с моей стороны. Так мы начали разговаривать, часто звонить друг другу на протяжении нескольких недель и стали — таки друзьями. Тут — то у меня и родилась мысль о том, что было бы чертовски здорово заручиться участием в записях и самого Джона… Это тут же решило все проблемы. Я позвонил остальным ребятам и сказал: «Послушайте, а если нам удастся получить кассету с какой — нибудь песней Джона, станем ли мы тогда заниматься этим делом?» И было похоже, что станем.

Я встретился с Йоко и Шоном. Мы послушали кассету с записями Джона. Йоко проиграла нам тогда три песни.

Две вещи были мне абсолютно незнакомы, похоже, они были сделаны для «Double Fantasy». «Free As A Bird» мне сразу понравилась. И я подумал: «Хотел бы я поработать с Джоном над этой вещицей». Мне понравилась мелодия с мощными аккордами. Она прямо в моем духе, очень эмоциональна. Шон сказал мне, что будет странно слышать в ведущей партии голос человека, которого давно нет в живых. «Но все равно попробуйте», — добавил он. Я пообещал, что если им не понравится результат, мы не будем публиковать эти записи. Когда я рассказал о своем обещании Джорджу и Ринго, они расстроились: «А что если песни нам очень понравится?!» К счастью, разногласий не возникло».

Я просил Йоко не ставить слишком много условий. Нам и так было очень трудно. Морально. Мы даже не были уверены, что не возненавидим друг друга через два часа работы в студии и не

разбежимся в разные стороны.

У песни «Free As A Bird» было одно большое достоинство: то, что Джон не закончил работу над ней. В основном это касается средней октавы, где он явно блокировал слова песни, которых у него еще не было. Йоко прислала листок со стихами, мы их попробовали, но они не подходили по размеру. Это означало, что нам следует привнести в песню что — то свое. Вот тогда — то я фактически и начал работать с самим Джоном. Это приносило большее удовлетворение, чем если бы мы просто взяли готовую песню Джона.

Я даже предупредил Ринго, чтобы он держал наготове носовой платок, когда будет слушать ее. Вернувшись в Англию с этими записями, я сделал копии для ребят. Песни им понравились. И мы решили сделать то, что собирались.

Во время записи «Вольный, как птица» я решил, что здесь нужно сделать что — то особенное, разыграть какую — то сценку. Люди ведь говорили: «Им не следует ворошить прошлое». Когда группа «Битлз» пела песню о сержанте Пеппере, мы делали вид, что являемся оркестром сержанта, что облегчило запись. Теперь мы решили использовать песню «Вольный, как птица» в качестве музыкального сопровождения эпизода пребывания Джона на отдыхе.

Ребятам я сказал: «Давайте представим, что мы работаем над новым альбомом «Битлз». Джон уехал на выходные, скажем в Испанию, позвонил оттуда и сказал: «У меня есть одна песенка, и я не будут против, если мы включим ее в диск. Правда, я не успел ее дописать. Поэкспериментируйте с ней в студии. Я вам доверяю».

Это означало, что мы в студии должны были немного покощунствовать, сказать примерно следующее: «Ну надо же, времени совсем не осталось, он всегда чертовски опаздывает, этот Леннон». После чего могли бы посмеяться, словно Леннон при этом действительно присутствовал. Он наверняка сказал бы то же самое, случись такое с моей кассетой. Работа над песней «Free As A Bird» шла легко. Джон как будто специально оставил для нас эту среднюю октаву, чтобы мы могли заполнить ее, как книжку для раскрашивания.

«Может получиться очень забавно», — одобрил мой план Ринго. Так и вышло.

Мы прыгали от радости. Сначала кто — то заговорил о том, что нам не следует и пытаться делать это. Но когда мы взяли магнитную запись Джона и начали над ней работать, это было великолепно. Работа приносила тем большее удовлетворение, поскольку при этом возникала уверенность, что все будет хорошо.

Как мы говорили: «Джон будет там, и мы все будем снова вместе». И в самом деле мы много веселились, создавая вновь музыку вместе. Джордж, бывало, гармонизировал песню, а Ринго сидел в аппаратной, хихикал и восклицал: «Звучит прямо как «Битлз».

Я волновался из — за того, что Джордж собирался играть со слайдером. Когда Джефф Линн предложил такую концовку, в голове мелькнула мысль: «Снова получится «My Sweet Lord». Это же коронка Джорджа. Но получилось очень неплохо.

Они с Джорджем (Харрисоном) большие друзья, «The Traveling Wilburys» — их совместное детище. По правде говоря, я боялся, что они все возьмут в свои руки, а я останусь не у дел, но Линн оказался на редкость порядочным и щепетильным.

Честно говоря, мне больше нравится «Free As A Bird» Она мощнее, эмоциональнее. Люди, перед которыми я ее исполнял, плакали. И потому, что песня классная, и потому, что Джона уже никогда не будет с нами.

Фактически мы сделали это вместе с Джоном. Это было фантастично. Мы делали дело, не слушая, что болтают всякие умники и скептики. Пошли они все… В один из моих прилетов в Нью — Йорк со мной заговорил таможенник, такой противный занудный детина: «Вы пытаетесь возродить группу? Хочу вам сказать, что без Джона это будет уже не «BEATLES!» Я как раз был в скверном настроении после перелета, к тому же не люблю таможню и вообще не желал слушать всякую чушь, ну и влепил ему: «Мне плевать на то, что ты думаешь, потому что очевидно, как мало ты знаешь об этом проекте, — ведь Джон в нем как раз участвует».

Так что когда работа была завершена, мы все подумали одно и тоже: «Отлично, мы сделали это, совершили невозможное». Поскольку, по идее, не должны были бы этого сделать. Ведь мы сейчас намного старше. Люди могли подумать, что мы все еще находимся в застое или вообще перестали ловить мышей. Но теперь я горд и счастлив до чертиков.

Остальные песни мне тоже нравятся. Но если бы мы выпустили их тогда, все подумали бы, что мы просто шутим. Нам часто задают вопрос: «Если этот материал был недостаточно хорош, чтобы издавать его тогда, зачем же это делать сейчас?» Эти версии могут показаться примитивными. Конечно, это не шедевры. Но если вслушаться, то можно понять, что это источник наших последующих работ. Возможно, Джон выбрал еще какой — нибудь материал. Но со всем, что мы когда — либо сделали вместе, мы всегда были согласны. Правда, в «Антологию» вошло несколько моих композиций, которые я не хотел включать. Меня уговорил Джордж Мартин.

У нас есть два крупных предложения на десять выступлений в различных городах Соединенных Штатов и просто скандальный гонорар — 100 миллионов долларов. С точки зрения финансов многие, конечно, взялись бы за это.

Я абсолютно убежден, что было бы ошибкой давать концерты втроем. А впрочем, деньги — то неплохие… Вот только кроме денег нет никакого другого стимула, а играть только ради денег тоже не хочется. Мы снова были «Битлз», когда записывали новые песни, используя голос Джона, но на концерте без него это будет уже не то. Все это чушь собачья. Но для меня сейчас трое «битлов» — это далеко не четверо. И закрыть эту пустоту на сцене нечем. «Битлз» — это «Битлз».

Моя семья

С Линдой я впервые встретился в Лондоне в клубе «Bag O'Nails» [93]. Она пришла туда со своими друзьями, среди которых был, кажется, и Чак Чэндлер. Я тоже был с компанией. Играл Джордж Фэйм. А мы, сидя за разными столиками, потихоньку начали поглядывать друг на друга и строить глазки.

Где — то через год я понял, что хочу на ней жениться. Тогда эта идея показалась нам вздорной. Линда колебалась, она уже успела побывать замужем и со второй попыткой не торопилась. В какой — то степени, ей даже казалось, что брак способствует разрушению отношений. Но влюблены мы были очень сильно. И рады сейчас, что все же решились пожениться [94].

Мы оба переживали, когда вначале люди говорили: «И почему этот парень с его огромной репутацией играет вместе с этой глупой девчонкой? Зачем она вместе с ним на сцене?» Мик Джеггер однажды сказал мне: «Я бы никогда не вытащил свою старушку на сцену». Замечательно, подумал я, скачи со своими надутыми губами в свое удовольствие, а я буду брать свою старушку с собой на сцену, и мне наплевать, что будут говорить.

Реакция на появление Линды вполне объяснима. Для большинства она была просто невесть откуда взявшейся девчонкой. Но для меня — то Линда стала главной помощницей в творчестве. Ее постоянное присутствие придавало моим песням чувство гармонии. Когда сочиняешь песни о любви и неожиданно влюбляешься сам, очень хочется написать песню для своей любимой.

Представил я ее остальным музыкантам так: «Это Линда. Что вы думаете о ней, мне все равно. Она будет играть в группе».

Позднее нам стало ясно, что все это было бы лучше сделать поспокойнее. Например, превратить все в некое шоу: «Леди и джентльмены, позвольте представить вам мою прекрасную половину. Не правда ли она мила и скромна?» Оказывается, и это не имело значения. Я знаю многих «звезд», регламентирующих свою жизнь раз и навсегда избранным имиджем. Это существенно осложняет их жизнь. Были ребята, которые отказывались от самой идеи брака, чтобы не помешать карьере. Известная истина: женившись, ты можешь потерять многих своих поклонников. Вот ребята и не женились. Но через пару лет карьере все равно наступает конец, и оказывалось, что экс — «звезда» прошел мимо своего счастья, не женившись вовремя. Я избрал другой путь, решив, что такого рода препятствия не должны стать помехой в моей личной жизни. Конечно же, я не хотел вредить своей карьере, но счел, что личное счастье важнее. Мы пошли напролом и сделали то, что хотели. Кого — то это задело, но позже стало ясно: все это не так важно.

Помню, Ринго как — то попытался сосчитать своих друзей и ему хватило пальцев одной руки. Ведь все очень просто: когда вас спрашивают, сколько у вас друзей, ответ зависит от того, насколько вы честны, давая его. Я не верю, что настоящих друзей может быть много.

С некоторыми моими друзьями я знаком еще со школьной скамьи, одному из них даже довелось учиться в Кембридже. Человек я не слишком общительный, поэтому вокруг моей семьи не крутятся толпы случайных людей, мы предпочитаем уединение. Считаю, что научился довольно хорошо разбираться в людях.

У меня, как и у любого человека, есть недостатки. Обычно я уравновешен, но иногда срываюсь. В отдельных случаях могу вести себя авторитарно и отвратительно.

После распада «Битлз» я уехал в Шотландию, несколько дней не вставал с постели и много пил… Все это было безумно и обыденно — как у любого человека в подобной ситуации. Бедная Линда! Она пыталась помочь мне. И она действительно мне очень помогла, потому что у нее железный характер. Она сказала: «Это пустяки! Все будет хорошо, не переживай…» А я продолжал бубнить: «Нет, я ничего не стою, как я подниму после этого голову, на что я способен, я всего лишь четвертая часть чего — то, и ничего более, сам по себе я ничего собой не представляю…» Линда мне дала силы и детей. Когда чувствуешь себя в безвыходном положении, к тебе подходит сын и говорит: «Папа, я тебя люблю». Это очень помогает. Есть старый фильм, в котором Кэри Грант [95] готов броситься с моста, но к нему подходит сын и

говорит: «Папа, я тебя люблю, пойдем домой». Смотришь, и у тебя ручьем текут слезы. Раньше я старался выглядеть «настоящим мужчиной» и скрывал свои слезы, но теперь это обстоятельство меня ничуть не смущает.

С приходом славы возникают проблемы. Поэтому я очень осторожен и воспитываю детей как обыкновенных людей, чтобы они общались с нормальными сверстниками. Чтобы у них были свои корни, как у всех. Мне говорят: «Ты сошел с ума! Почему ты их не направишь в Итон?» Итон — это элитарная школа. Да потому, что вернувшись оттуда они разговаривали бы как зануды. Мне не нравится этот тип людей, и я не хочу, чтобы мои дети были такими. Мы никогда не держали няню для детей. Я в восторге от малышей. Я сам из такой же семьи. Когда я был маленьким, всегда мне кто — нибудь норовил подсунуть в руки ребенка. С ним нужно было гулять, качать его, укладывать спать. Считаю, что мне повезло. Линда же воспитывалась иначе. Она из богатой семьи, но не имеет ничего общего с семейством Истмэн — Кодак, вопреки распространенным слухам. Однако ее отец — богатый адвокат, и она была воспитана в элитарной семье, которой принадлежат большие дома с целой армией прислуги и леденящей атмосферой. И она возненавидела этот мир. Поэтому, когда мы жили в Шотландии, у нас был маленький домик, только с двумя спальнями, и она была в восторге. В одной спали мы, в другой — четверо детей. И считаю, что это хорошо. В той среде, откуда я родом, это считается нормальным. Некоторые мои двоюродные братья живут в таких же маленьких домиках и имеют по девять детей. Дети спят на матрасах, расстеленных повсюду на полу, и эти дома нельзя назвать ни чистыми, ни чудесными, но детям хорошо, и у них прекрасные сердца.

В детстве я любил наблюдать за птицами. А после успеха «Битлз» нам приходилось вести сумасшедшую городскую жизнь. Из одной гостиницы в другую, никуда нельзя выйти, прогуляться. Например, в Японии мы могли перемещаться только в полицейских машинах. На много лет мы оказались отрезаны от природы. Когда я женился на Линде, а она очень любит природу, что и явилось одной из причин нашего брака, мы решили купить ферму в Шотландии.

В пригород мы переехали из — за детей. В городских школах очень жестокие порядки, насилие, воровство, наркотики. Я имею в виду героин. Да, все теперь по — другому, чем было в 60–е годы. Атмосфера ухудшилась. А в деревне у детей есть все условия, чтобы стать нормальными людьми.

Встаю я обычно в восемь часов. Я бы не прочь поваляться в постели часок — другой, но дочери будят нас рано. Мы

приветствуем их и целуем. Потом я провожаю их до автобусной остановки. Вернувшись, кормлю барашка, от которого отказалась мать. Теперь его приходится воспитывать мне. Затем пробегаю круг — мили две. В детстве я тоже увлекался бегом. Прихожу домой и принимаю ванну. После завтрака отправляюсь в студию и работаю там до вечера. Мне надоело мотаться каждый день в город, тратить впустую время, и я построил собственную студию.

Вечерами вожусь с детьми. Рассказываю сыну перед сном интересные истории, смотрю телевизор. Иногда мы ходим в кино. Мне нравятся актеры Ричард Гир [96] и Мерил Стрип [97].

Мои дети не испытывают влечения к музыкальному мусору. Старшие слушают «Дайр Стрейтс», «Генезис», «Симпл Майндс», и все чаще в доме звучит Бах [98], а самый младший предпочитает «Уэм!» и «АС/ДС» — это как раз для дошкольников. Вообще — то я не давлю на них, потому что сам в детстве не любил, когда меня поучали. А может быть, я просто вижу, что у них формируется хороший музыкальный вкус. Нет, я не боюсь за них в этом смысле.

Родители часто хотят взвалить формирование музыкальных вкусов своих детей на фирмы грамзаписи, вместо того чтобы заниматься этим самим. Такая позиция родителей опасна прежде всего для самих же детей. В конце концов, прежде чем покупать ребенку пластинку, послушайте ее. А то так можно отмахнуться от всех проблем воспитания. Самое простое — запретить, воспитывать куда сложнее.

Даже когда все уезжали, я был против. Это мой дом. Я живу в Британии, потому что я люблю эту страну. В те времена, когда я платил 90–процентный налог, я подумывал, что это слишком много для меня, и игра не стоит свеч. Однако я был не в силах оставить свой дом. Я хотел, чтобы мои дети ходили в школу и росли здесь, тем более, что эти места мне по душе, и, в конце концов я смирился с потерей большей части своих доходов.

Я верю в семью. Не знаю, как у вас (в России), а у нас лет 20 назад много говорилось о распаде семьи, о том, что, она изжила себя. Я всегда считал это глупостью.

Семейная жизнь чудесна. Это блаженство — жить в деревне и заниматься фермой. Но я также открыл для себя, какой это кайф играть «в живую» и понимать, что ты будешь делать это всю свою оставшуюся жизнь.

Жизнь в деревне имеет свои особые прелести. Это и воздух, и тишина. Здесь все, что мне нужно. Мое любимое занятие — прогулки в лесу, когда я прокладываю узенькие тропинки через заросли травы и кустарника. Затем я развожу костер и устраиваюсь на траве, наслаждаясь всей этой красотой. Линда и

я, мы оба с детства обожаем природу. Знакомство Линды с окружающим миром началось с того, что она выслеживала саламандр в холмистых окрестностях шикарного городка Скарсдейл, где она провела свое детство. Она рассказывала мне, что всегда находила небольшой кусочек земли между домами и проводила там все свое время. Я вырос в Ливерпульском районе Спик, который граничил с лесом. Моя мама была акушеркой и очень много работала, поэтому мы часто были предоставлены сами себе. Мы были как первопроходцы. За нашими домами никогда не строили дорог, и я все время находился в пяти минутах ходьбы от лесной чащи. Пока Линда охотилась за саламандрами, я искал лягушек и колюшек.

Я люблю посидеть с удочкой в тишине. Но всегда отпускаю пойманную рыбу. Посмотрю на нее… и бросаю в воду. Но в свою «веру» я никого обратить не стремлюсь. Живя на ферме, я бегу от городской суеты. Город с его преступностью, наркотиками плохо влияет и на детей.

Нам нравится, что наша семья такая сплоченная. Как — то однажды я возвращался после концертов в Европе, так я даже нанял реактивный самолет, чтобы побыстрее добраться до дому. Если бы мы поехали в Штаты с детьми, то наняли бы учителей, чтобы не прерывать их образование. Я хотел бы, чтобы они поехали с нами, потому что мне не нравится, когда кто — нибудь звонит и говорит, что у детей дома поднялась температура и они заболели.

Я чувствую себя в своей тарелке только тогда, когда я у себя дома, укладываю детей спать, провожаю их утром в школу. Так было заведено в моей семье, когда я был маленьким.

У нас никогда не было ни няни, ни кухарки. Однажды я увидел, как ребенок моего друга бежал навстречу своей няне и кричал ей: «Мама!» Я подумал, что такое же может случиться и в моей семье, если я не буду внимателен к детям. Моя старшая дочь, например, тоже была панком. В то время у нее были длинные светлые волосы. Но каждый вечер она приходила домой, выкрасив их в новый цвет. Ей это очень нравилось. У нее есть много пластинок с панком, а у меня только одна — «Секс Пистолз», и мне ее вполне хватает. Панк — это не просто сильный ветер, это ураган. Ураган, ломающий хрупкие ветви. А люди думают, что это просто развлечение.

Если говорить о музыке вообще, то следует признать, что у нее нет каких — либо жестких рамок. Все сводится в конечном счете к нескольким нотам, которые меняются местами. Бетховена я считаю величайшим композитором, кроме того, я очень люблю Моцарта и Баха. Я не являюсь интеллектуальным слушателем, но,

когда я занимался Бетховеном, я был потрясен, как просто были созданы его произведения.

Мой самый любимый гитарист — Джими Хендрикс. Он был самым лучшим гитаристом в мире. Если говорить о самых — самых лучших музыкантах, то мне нравятся Бадди Холли, Элвис Пресли, но до того периода, как он пошел служить в армию, Боб Марли, Стиви Уандер.

Я люблю ходить на яхте. Только начал этим заниматься. Выхожу в море на небольшой лодке. Великолепно — запах моря, ветер дует тебе в лицо… Когда мы в прошлом году находились в турне, в свободное время я только так и развлекался — ходил на яхте. Плавал у берегов Бразилии и США. Садился один на яхту и отправлялся куда глаза глядят. А еще всерьез увлекся живописью. Я написал около 200 картин и нахожу, что отдыхаю, когда рисую. Но, наверное, больше всего отдыхаю, когда пишу песни. Это всегда было мое хобби. И если даже фирмы грамзаписи больше никогда не выпустят ни одной моей песни, я буду по — прежнему писать их.

Я люблю зеленые холмы и леса, но так же дорога мне моя музыка, я не могу не играть рок — н–ролл.

Откровенно говоря, когда мои дети были еще маленькими, мне казалось, что когда они вырастут, начнут увлекаться музыкой «панков» или чем — то похожим. Но у них развился хороший музыкальный вкус. Джеймс, например, очень полюбил группу «Бич Бойз». Потом он стал слушать Джеймса Брауна, а сейчас ему очень нравится Джими Хендрикс.

Да, именно Линда дала мне силы выжить… Я осмелился работать, хотя поначалу совершенно без вкуса, только чтобы доставить радость Линде. Именно из — за нее я вернулся на сцену. Но до сих пор я абсолютно не уверен в себе…

У нас нет прислуги. Линда сама готовит, хотя при нашем достатке мы могли бы иметь кухарку. Правда, одна женщина помогала присматривать за детьми, но она для них, скорее, как любимая тетя. Такая жизнь позволила мне выработать свою философию. Я стараюсь как можно больше бывать дома — ведь случается, что дети просто не знают своих родителей. Это, на мой взгляд, опасно. Ребята наши очень смешные, любят дом, любят устраивать домашние шоу.

Не думаю, что кто — то из них станет настоящим музыкантом, хотя у них неплохие голоса, они понимают гармонию. Джеймс увлекается гитарой, любит рок — н–ролл. Стелла играет на пианино. Но я не хочу их подталкивать, хоть и мог бы пристроить в какую — нибудь группу. Предоставляю им свободу выбора. Если понадобится помощь, окажу ее.

Когда взрослеешь, конечно, немного меняешься, и прежде всего меняется внутренний мир. Мой внутренний мир сегодня, конечно, иной, чем был. Если бы сейчас были 60–е годы, я бы сказал своим детям, например, что свободная любовь — хорошая. Но сейчас, в конце 80–х, да еще во времена СПИДа, в этой идее уже нет ничего хорошего. Сейчас говорю, что нужно быть осторожными, осмотрительными. У нас хороший контакт с детьми, мы с ними друзья… Очень мило, когда дети говорят нам иногда: «Мама, папа, было бы естественно, если бы мы были хиппи, бунтарями, а вы — строгими родителями, но получается, что у нас все наоборот: мы строги, а вы эксцентричны!»

Конечно же, наша семья не такая идиллическая пастораль, как может показаться с первого взгляда, — это настоящий брак, понимаете? Такой же настоящий и реальный, как и любой другой. Не думаю, что кто — то знает секрет счастливого брака. Это вопрос везения. Мы много времени проводим вместе, у нас много общего: музыка, мы оба вегетарианцы. Знаете, мы просто любим друг друга.

С большим энтузиазмом занимаюсь сейчас проектом открытия старой школы грамматики в Ливерпульском институте. С этой целью собираюсь начать сбор денег. И если идея удастся, надеюсь время от времени приезжать туда и что — нибудь преподавать. Конечно, такие вещи не делаются за один день. Но я очень надеюсь, это школа — она будет называться Ливерпульским институтом сценических искусств — станет не просто академическим местом, где дети изучают музыку, таких заведений сколько угодно. Наша школа будет от них отличаться, возможно, гибкостью графика, отсутствием строгой администрации.

Я не должен проводить кампании по защите окружающей среды! Но что делать, если политики сидят сложа руки? Я не эксперт, не специалист по очистке воздуха. Я всего — навсего отец четырех детей, который не хочет, чтобы они росли в мире, где нельзя дышать хорошим свежим воздухом.

Когда я смотрю на своих детей, то думаю, что современная молодежь замечательная. Кажется, их интересуют все проблемы. Их волнуют проблемы мира и экологии, все, в чем заинтересованы сейчас люди. Так что я их очень люблю. Конечно, невозможно говорить о всех, но большинство молодых людей, которых я встречаю, прекрасны, у них отличное настроение. Это дает мне надежду на будущее.

Частенько приходится слышать: «Вы знамениты, богаты, счастливы в личной жизни. Что же еще можно ждать от жизни?» Странно. Иногда мне кажется, что я вовсе еще не начинал жить.

Линда Маккартни. На крыльях любви

Я работала в журнале «Город и деревня». В мои обязанности входила, в частности, сортировка почты. Однажды редактору пришло приглашение на встречу с «Роллинг стоунз», которые приехали тогда в Нью — Йорк — это было в 1966 году. Мне очень нравились эти ребята, и я сама воспользовалась приглашением. Да к тому же еще прихватила и камеру. Презентация должна была состояться на яхте посередине реки Гудзон…

Приехав в назначенное место, я увидела много людей с фотоаппаратами, которые толпились на набережной. «Роллинги» допустили на борт репортеров, но отказались от услуг фотографов. Единственным человеком с камерой была на яхте я. Думаю, благодаря моей броской внешности, — ну знаете, молодая девушка, блондинка и все такое. А я была тогда совершенно зеленой, только и могла навести фокус и щелкнуть затвором. Меня трясло от страха, что ничего не получится.

Тем не менее, когда яхта пристала к берегу, все репортеры бросились ко мне, стали просить снимки. Мне даже в голову не пришло потребовать за них плату. Единственно, чего я хотела, это чтобы под снимками появилась моя фамилия. Фото были напечатаны, вот тогда — то я и поняла, что этим можно зарабатывать.

Помню, когда «Нью — Йорк таймс» начал брать у меня фотографии, у меня спросили, кого я принесу в следующий раз. Я сказала: «Вам подойдут «Баффало Спрингфилд» или лучше сделать Джима Моррисона?» — «Да все равно», — ответил редактор. Они даже не отличали одной группы от другой.

Мне за работу не платили ни цента, но зато я могла снимать всех — «The Who», Джима Моррисона, «Джефферсон эйрплейн», «Грэйтфул дэд», всех, всех. Большинство из игравших там групп приезжали из Лос — Анджелеса или из Англии, они никого в Нью — Йорке не знали, и, фотографируя их, я становилась их другом.

Ко мне домой приходил Джими Хендрикс, мы пили чай, и он жаловался на то, что нет денег. Я каталась на метро с Джексоном Брауни, ужинала с Джимом Моррисоном, таскалась по городу с Эриком Бердоном [99].

Между нами ничего такого не было — мы все просто дружили.

Они совсем не такие, как о них думают некоторые люди. Хендрикс постоянно сомневался в своем таланте. Когда первый раз я его фотографировала в 1967 г., он очень боялся, что публика примет его плохо. Несмотря на его дикий вид, Джими

был очень застенчив и чувствителен. Он все время сомневался, что выглядит хорошо. Ему совсем не хотелось сжигать флаг США во время выступлений, но таков был его имидж, и он сознательно шел на это. Он постоянно думал над тем, как привлечь внимание публики, он очень боялся его потерять. Джим Моррисон тоже был очень чувствителен. Его внешность Иисуса Христа сейчас может показаться чересчур патетической. Я считала этот образ неправдоподобным, и Джим хотел даже сменить образ. Вы можете сказать, что позже он стал жирным и грузным, но он никогда не думал о себе и совсем не хотел создавать вызывающий имидж.

Это было чудесное, невинное, беззаботное время.

А затем в рок — мир начали вползать наркотики — нет, не марихуана, в ней я тогда ничего ужасного не видела.

И не ЛСД — пришел героин, его принесли всякие паразиты, которые цеплялись за музыкантов, буквально втягивали их в наркотики. Джим Моррисон был чудесным, глубоким, чувствительным парнем — и они, эти скоты, которые вились вокруг него, превратили его в чудовище. Я всегда могла на глаз отличить людей, которые принимали героин — у них что — то происходило с лицом. Как у Дженис Джоплин [100] — все лицо ее как бы покрывалось оспинками…

Порой и я попадала в дурацкие ситуации, но мне всегда удавалось выбраться из них без потерь. Помню, меня однажды пригласил к себе Энди Уорхол… У него на вечеринке все перепились, обкурились, и началась настоящая оргия. Я с ужасом взирала на эти сцены — а потом просто сбежала.

Вот Дженис Джоплин, она была очень хорошей девушкой, но такой одинокой и потерянной; вот Джими Хендрикс, умный, чувствительный, тонкий человек, такой непохожий на свой сценический образ; вот Джим Моррисон, который хотел быть поэтом, а не поп — звездой; нежный Кейт Мун; Брайн Эпштейн; и, конечно, Джон…

И сейчас мы с Полом порой смотрим друг на друга и думаем об одном — я знаю, что мы думаем об одном и том же: как же нам — то удалось выжить?»

К ним («Битлз») было очень трудно подобраться. Я собрала свои работы и через секретаря передала Брайану Эпштейну. За разрешением мне было приказано явиться на следующий день… А вечером Эрик Бердон из «Энималз» повел меня в клуб. Мы сидели за столиком, а за соседний уселся Пол. Наши взгляды встретились. И так это и началось… Мы ушли оттуда и весь вечер гуляли и разговаривали.

Мои фотографии стали появляться в хороших журналах — в «Лайфе», «Роллинг Стоун», меня уже знали. Я моталась по

концертам, таскала на себе тяжеленное оборудование, а машины у меня не было… У меня на руках даже появились мозоли, как у грузчика…

А три месяца спустя, в сентябре 1968–го, мне позвонил Пол. «Почему бы вам не вернуться в Англию?» — только и спросил он. С тех пор, я не фотографирую рок — группы…

Может показаться безумием: переехать из просторного лондонского дома в небольшое местечко на южном побережье. На самом деле здесь гораздо удобнее. Ведь наш бизнес мог бы отдалить нас от детей, и мы бы с трудом замечали, как они растут.

Обычно когда есть деньги, люди стремятся жить в большом доме, а это создает массу неудобств при воспитании детей. Когда один ребенок находится наверху, а другой — в западном крыле, уследить за ними чрезвычайно тяжело.

Дети путешествуют с нами повсюду. Во время нашего гастрольного турне по Британии, мы выступали в северных провинциях и жили всей семьей в доме отца Пола в Ливерпуле. А гастролируя на юге, Пол и я ежедневно отправлялись на концерт из дома, что означало 2,5–часовую езду на машине туда, а потом обратно, причем за рулем был сам Пол. Выступая за границей, мы снимаем дом и делаем его своей базой, чтобы возвращаться каждую ночь к детям.

Мы все вегетарианцы. Наш завтрак состоит из яиц от собственных кур, жареных домашних помидоров, вегетарианских сосисок, злаков и пшеничного хлеба. В период хлебной забастовки Пол сам выпекал очень вкусный хлеб.

Когда я отвожу девочек в школу, Пол часто сопровождает меня. Мэри и Стелла ходят в местную начальную школу, а Хэзер посещает школу искусств. Я езжу на мини — автомобиле. Будучи американкой, я привыкла к широким дорогам, и только на маленькой машине не боюсь разбиться, когда еду по узким улицам.

Большую часть одежды для детей я покупаю в специализированном магазине «Mothercare». Вещи заказываю по каталогу или покупаю сама, отдавая предпочтение изделиям из натуральных волокон. Лично я чувствую себя гораздо комфортнее в джинсах и короткой рубашке. Трачу я немного, хотя Пол в состоянии оплатить все счета!

Живем мы достаточно замкнуто. Окружающие относятся ко мне как к любой другой матери, которая занимается воспитанием детей и ведет домашнее хозяйство. Человеком из мира шоу — бизнеса я ощущаю себя только на гастролях.

Стараюсь, чтобы жизнь оставалась такой, какой она была до

нашей женитьбы. Обычно мы плотно завтракаем и обедаем, поэтому не собираемся на ленч. В это время я выполняю домашнюю работу. Пол никогда мне не помогает. Он любит аккуратность, но сам не слишком — то аккуратен! В тех случаях, когда я занята или уезжаю, уборкой дома занимается приходящая работница. Но готовлю всегда сама, потому что мне это безумно нравится. Каждый день я готовлю еду на шесть человек. На обед — блюдо, похожее на «Quiche Lorraine», но без бекона, баклажаны, спагетти, салаты и любимые блюда Пола: гороховый суп или суп — пюре из домашних помидоров и лука. И, конечно, варю свой любимый кофе с молоком. В этом я совершенный ребенок! Если повезет, в течение дня совершаю верховую прогулку на жеребце по имени Appaloosa, у которого отличный характер. Езда верхом — прекрасный вид упражнений, и физических и духовных. Животное любезно позволяет ехать на себе, любоваться пейзажем и дышать природой. Если мне не удается найти няню, я иногда усаживаю Джеймса перед собой в седло, и мы отправляемся на прогулку. Живя в Лондоне, я постоянно ощущала потребность в естественной нагрузке. Мое западное седло очень тяжелое. Поднимать его и снимать с лошади, чистить лошадь, заботиться об остальных наших животных — это именно тот вид естественных упражнений, которые мне необходимы. Мне нравится быть ближе к земле.

Мы прожили около года на своей ферме в Шотландии, прежде чем Пол неожиданно предложил мне поработать в группе. Это полностью его идея. Думаю, он чувствовал, что мое присутствие придаст ему больше уверенности. Пол предложил мне клавишные, поскольку считал, что я могла бы научиться играть на них быстрее, чем на гитаре. Он посадил меня за пианино и сказал: «Вот это — среднее С, а теперь ты выучишь аккорды». Так что большая часть ранних критических замечаний в отношении моей роли в группе была справедливой. И сам Пол, хотя и был этим задет, все же признавал их правоту. На мой взгляд, моя игра все еще оставляет желать лучшего. Участники нашей группы могли бы давно пригласить отличного клавишника, если бы только захотели.

Одно из наших общих увлечений — футбол. Мы редко выбираемся на матчи, но всегда смотрим их по телевизору. Пол — страстный поклонник «Ливерпуля», а я болею за «Ливерпуль» и за «Эвертон». (В разговор вступает Пол: «Я говорил ей: «Нельзя болеть одновременно за обе команды, но она утверждает, что можно, потому что она американка».)

Мы живем в сельской местности и в общество выбираемся довольно редко. Наверное отчасти и потому, что мне просто лень.

Так много хочется успеть сделать, особенно в фотографии. Но я не намерена менять свой образ жизни до тех пор, пока не возникнет крайняя необходимость. Я получаю различные предложения сделать фотоснимки, иногда среди них встречаются весьма заманчивые. Но как только доходит до дела, я не могу заставить себя бросить детей и поехать фотографировать. Я остаюсь дома и вместо запланированных снимков делаю семейные фотографии.

Большинство вечеров мы проводим у телевизора. Мне нравится смотреть «Dallas», «Top Of The Pops», «Old Grey Whistle Test» и некоторые юмористические шоу.

Это жилище прекрасно, мы любим его, это замечательный отдых от шоу — бизнеса. Я считаю, что работа Пола в музыкальном бизнесе и отдых на природе оптимальный режим жизни для него. Он стимулируется, выступая перед тысячами зрителей, и потом отдыхает на свежем воздухе с домашними животными. У нас на ферме только органика, поэтому продукты лишены пестицидов. Вы должны ездить у нас медленно, потому что везде бегают животные и птицы, крольчата и фазанята. Я люблю это место еще потому, что если вы устали или переволновались, вы можете посидеть на лугу и услышать, как шумит ветер в деревьях, и почувствовать, как пахнут цветы. Это очень успокаивает. Пол любит завести наш джип «Лэндровер», найти буйные заросли, забраться вглубь, развести костерок и сидеть, глядя на огонь. Мы живем в пустынном месте, и это нам тоже нравится. При том бизнесе, которым занимается Пол, просто необходимо иметь убежище, где можно скрыться от людских глаз. Мы купили этот участок из — за того, что он в стороне от дорог.

У нас две коровы — Лаванда и Дэйзи, а также лошади — для нас с Полом и для детей. Есть овцы и птицы.

Джеймс еще ходит в школу. Хэзер стала керамистом. Мэри работает в музыкальном издательстве, а Стелла изучает модный дизайн. Обычно мы собираемся все вместе на уик — энд. Для нас очень важно быть вместе с нашими детьми. У них большие сердца, а это самое главное.

Мы перестали есть мясные продукты более двадцати лет назад. Общеизвестно, что для человеческого организма гораздо полезнее овощи, они не оставляют на стенках ваших сосудов атеросклеротических бляшек. Сейчас чуть и не каждую неделю к «армии» английских вегетарианцев прибавляется 18 тысяч «новобранцев». Не слишком ли много «сумасшедших»?

Я занялась сочинительством вовсе не ради славы или денег. У меня, слава богу, нет сейчас недостатка ни в том, ни в другом. Я делаю это только ради животных. Я написала кулинарную

книгу, потому что подумала: если мне удастся показать людям, что можно прекрасно обходиться безо всякого мяса, есть вкусно и сытно, это облегчит им переход к вегетарианству.

Надо признаться, я и сама удивилась, узнав, что было продано 300 тысяч экземпляров. Скоро книга выйдет и в Японии. Нельзя сказать, что она рассчитана только на вегетарианцев. Надеюсь, что мясоеды, прочитав мое сочинение, захотят отведать более здоровую пищу, но в то же время сохранят во рту вкус мяса.

Успех был необыкновенный. Я думала, что в лучшем случае удастся продать миллион порций безмясной еды, приготовленной по моим рецептам, а продали более 14 миллионов. И это только в первый год! Поэтому мне и пришлось сочинять новые рецепты.

Я пытаюсь остановить избиение. Я пытаюсь закрыть бойни. Я не хочу, чтобы люди оставались без работы, но я думаю, что им надо найти работу в других областях пищевой промышленности.

Люди считают, что животные им принадлежат. Почему мы должны получать какую — то выгоду от животного? Разве мы не можем держать любимую корову или овцу? Почему мы должны перерезать им горло и так добывать деньги?

В начале своей музыкальной карьеры Пол думал, что ее вершина будет им пройдена где — нибудь к 25 годам. Таковы были в те времена правила шоу — бизнеса. Но, как говорит Пол, рок — н–ролл как раз удивителен тем, что постоянно нарушает все правила.

Еще на свадьбе мы пообещали друг другу, что никогда не будем «играть с огнем», дали клятву верности. Да, Пол частенько был необуздан, позволял себе вольности. Впрочем, мне кажется, я его обуздала. Он больше не курит, не принимает наркотиков и почти не пьет.

Мы нравимся друг другу и нам нравится проводить время вместе… Вот почему мы рекордсмены семейной жизни.

Paul Is Live

Маккартни часто называют музицирующим мультимиллионером и живым классиком. Хотя на его дисках нередко можно встретить проходные песенки с банальными словами. При желании профессиональные музыканты и критики без особого труда найдут в его записях ошибки и укажут на «неправильную» игру. Но Маккартни есть Маккартни. Он автор прекрасных мелодий, которые даже и не снились многим профессиональным композиторам и критикам.

Музыкант не потерял интерес к творчеству и выступлениям на сцене, и публика чувствует это. Конечно, годы берут свое. Седая шевелюра, на лице все больше морщинок, но по — прежнему неизменны мальчишеский задор в карих глазах и знаменитая улыбка Маккартни. Его песни приходят послушать подростки и молодежь, люди средних лет и те, кому за пятьдесят. Рок давно уже перестал быть так называемой «молодежной музыкой». Диалог поколений. Диалог культур. Диалог наций. Рок — диалог. «Старый птеродактиль» сержант Макка уверенно дирижирует своим рок — н–рольным оркестром. «Off The Ground».

Пол продолжает пробовать свои силы и в жанре классической музыки. В 1995 году в Сент — Джеймском дворце состоялась премьера его пьесы «Лист» в исполнении русской пианистки Анны Алексеевой.

Маккартни — почетный доктор музыки, лауреат многих премий, ректор основанного им Ливерпульского института исполнительских искусств, который открыт для граждан любой страны без всяких возрастных ограничений. В декабре 1996 года Пол был удостоен почетного рыцарского звания.

Интерес слушателей к «Антологии «Битлз» неожиданно вновь поставил на обсуждение вопрос о воссоединении «Битлз». 4 апреля 1996 года Маккартни, Харрисон и Старр официально отвергли очередное предложение американского продюсера Сида Бернстайна выступить с 20–минутным концертом на стадионе Shea за 500 млн. долл. Бедный Бернстайн, он, как и некоторые битловские фэны, так ничего и не понял. Есть музыка «Битлз», а концерта ансамбля «Битлз», тем более без Джона Леннона, не может быть в принципе.

Тридцать лет спустя после пика славы «Битлз» три рок — мушкетера Пол, Джордж и Ринго верны завещанию своего погибшего друга Джона Леннона и не желают участвовать в профанации ни за какие деньги. «Can't Buy Me Love».

P. S. Маккартни не раз собирался выступить с концертами в нашей стране, но как — то все не получается, видно «со случаем плохи дела». Будем надеяться, что, несмотря на все преграды, «Желтая субмарина» однажды достигнет берегов России.

«Let It Be»

В. В. Бокарев

notes

Примечания

1

Вокальную партию этой песни, впервые записанной «Битлз» на пластинке «REVOLVER» в августе 1966 года, исполняет Ринго Старр

2

Самая большая аудитория на платном концерте собралась 2 апреля 1990 года на стадионе Маракана в Рио — де — Жанейро, Бразилия. Пола Маккартни пришли послушать свыше 180 тысяч человек

3

Астер Фрэд, наст. имя Фрэд Остерлиц, р. 10 мая 1899 г. в городе Омаха (штат Небраска). Известный джазовый танцор и киноактер. Умер 26 июня 1987 г.

4

Портер Кол (1893–1964 гг.). Американский композитор, автор мюзиклов, поставленных в театрах США и в европейских странах (многие экранизированны). Широкую известность Портеру принесли песни и музыка к кинофильмам

5

Донеган Лонни (Энтони), р. 29 апреля 1931 г. Популярный английский рок — певец 50–х годов

6

Бэрри Чарльз «Чак» Эдвард, р. 18 октября 1931 г. в Сан — Луисе. Негритянский певец и гитарист, оказавший влияние на творчество многих рок — музыкантов, включая «Битлз» и «Роллинг Стоунз»

7

Домино Фэтс (Энтони), р. 26 февраля 1928 г. в Новом Орлеане. Негритянский певец и инструменталист, известность приобрел в 50–е годы

8

Литтл Ричард, наст. имя Ричард Пенниман, р. 25 декабря 1932 г. Американский певец, пианист, композитор. Исполнитель блюзов, рок — н–роллов, госпелз, имел огромный успех во второй половине 50–х годов

9

Пресли Элвис Эйрон, р. 8 января 1935 г. в городе Тьюпело (штат Миссисипи). Американский певец, король рок — н–ролла, снимался в кино. Тираж пластинок с записями его песен превысил 300 миллионов. Умер от сердечного приступа 16 августа 1977 г.

10

Винсент Джин (Юджин) Краддок, р. 11 февраля 1935 г. в Норфолке (штат Вирджиния). Американский исполнитель рокабилли, кантри и рок — н–ролла. Выступал с ансамблем «BLUE CAPS» («Голубые кепки»). В 1956 г. записал свою песню «BE BOP A LULA» («Би — Боп — А–Лула»), которую очень любил Джон Леннон. Умер в бедности в 1970 г.

11

Кокрэн Эдди, р. 3 октября 1938 г. в Оклахоме. Популярный американский рок — певец второй половины 50–х годов. Погиб в автомобильной катастрофе 17 апреля 1960 г.

12

Холли Бадди, р. 7 сентября 1936 г. в Луббоке (штат Техас). Известный в 50–е годы американский певец и композитор, выступал с группой «Крикете». Погиб 3 февраля 1959 г. в авиакатастрофе. Пол Маккартни владеет авторским правом на издание песен Холли

13

Харрисон Джордж, р. 25 февраля 1943 г. в Ливерпуле. Соло — гитарист «Битлз». Учился вместе с Полом Маккартни в Центральной средней школе Ливерпуля. В 1956 г. организовал скиффл — группу «Рэбэлз». В 1958 г. по инициативе Пола Джордж стал участником ансамбля Леннона «Куорримэн». В 1966 г., в период расцвета «Битлз» Харрисон научился игре на ситаре, пройдя обучение у выдающегося индийского композитора и ситариста Рави Шанкара. 1 августа 1971 г. организовал в Нью — Йорке благотворительный концерт в пользу Бангладеш, на котором выступили Рави Шанкар, Боб Дилан, Билли Престон, Леон Рассел, Ринго Старр, Эрик Клэптон. Доходы от концерта, документального фильма и концертного альбома составили более 10 миллионов долларов и были перечислены в фонд помощи Бангладеш. В 1972 г. Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм вручил Джорджу Харрисону и Рави Шанкару специальные награды ЮНИСЕФ. В 1974 г. Харрисон основал собственную фирму грамзаписи «Дарк Хорс Рекордз», а в 1978 г. кинокомпанию «Хэнд Мэйд Филмз». В 1979 г. снял фильм о менеджере «Битлз» Б. Эпстайне «Жизнь Брайана». Наиболее удачные сольные альбомы: «Все должно пройти» (1970 г.), «33 и 1/3» (1976 г.), «Девятое облако» (1987 г.)

14

Ансамбль «Битлз» был создан Джоном Ленноном в 1956 г. и просуществовал до 1970 г. До 1960 г. группа выступала под разными названиями — «Куорримэн», «Джонни энд Мундогз», «Силвер Битлз»

15

Чарльз Рэй, р. 23 сентября 1930 г. Американский пианист, композитор и певец. Исполнитель блюза, джаза, соул и рока

16

Льюис Джерри Ли, р. 29 сентября 1935 г. в городе Ферридей (штат Луизиана). Американский певец, пианист, композитор. Исполнитель кантри, рокабилли, рок — н–ролла. Прославился виртуозной игрой на фортепиано. Одна из самых легендарных фигур в истории рок — музыки

17

Сатклифф Стюарт, р. 23 июня 1940 г. в Эдинбурге. В 1958 г. Стюарт познакомился в Ливерпульском художественном колледже с Джоном Ленноном. В 1959–1961 гг. — бас — гитарист «Битлз». В июне 1961 г. Сатклифф покинул группу. Оставшись в Гамбурге, он женился на художнице и фотографе Астрид Кирхгерр и продолжил занятия живописью. Умер 10 апреля 1962 г. от кровоизлияния в мозг. Причиной смерти стали серьезные травмы головы, которые Сатклифф получил в результате нападения хулиганов после одного из концертных выступлений «Битлз» в мае 1960 г.

18

Эту песню Пол написал в 1958 г. ко дню рождения своего отца, которому исполнилось тогда 64 года

19

Песня была записана 15 июля 1963 г. Пол посвятил ее английской актрисе Джейн Эшер (р. 5 апреля 1946 г.), с которой он познакомился после концерта «Битлз» а лондонском зале «Альберт — холл» 9 мая 1963 г. Джейн Эшер посвящены и многие другие ранние песни Маккартни. 25 декабря 1967 г. Пол и Джейн объявили о своей помолвке. Однако помолвка была расторгнута по инициативе Маккартни в июле 1968 г.

20

Мартин Джордж, р. 3 января 1926 г. в Лондоне. Профессиональный музыкант, звукорежиссер, менеджер, продюсер. С 1962 г. работал с «Битлз». После распада группы был продюсером многих известных исполнителей: Джеффа Бэка, ансамблей «Аэросмит», «Ультравокс». Активно сотрудничал с Полом Маккартни

21

Бетховен Людвиг ван (1770–1827 гг.) Выдающийся немецкий композитор, пианист, дирижер, симфонист, в музыке которого нашли отражение романтизм и принципы венской классической школы

22

Джеггер Мик, р. 26 июля 1943 г. в городе Дартфорд, графство Кент. Композитор, поэт, солист английской группы «Роллинг Стоунз», которая в 60–е годы успешно конкурировала с «Битлз». Ансамбль «Роллинг Стоунз» существует 30 лет и по — прежнему имеет большой успех

23

Азнавур Шарль, наст. имя Варенаг Азнавурян, р. в 1924 г. во Франции в семье армянских эмигрантов. Французский шансонье, композитор, киноактер. Выступает на сцене с 40–х годов. Снимался в фильмах «Дьявол и десять заповедей», «Не стреляйте в пианиста». Неоднократно приезжал с гастролями в нашу страну

24

Орбисон Рой, р. 23 апреля 1936 г. Американский рок — музыкант, пользовался большой популярностью в 60–е годы. Умер 6 декабря 1988 г.

25

Песня Джерри Лейбера и Майка Столлера «KANSAS CITY» вошла в альбом «Битлз» «BEATLES FOR SALE», вышедший 4 декабря 1964 г.

26

Старр Ринго, наст. имя Ричард Старки, р. 7 июля 1940 г. в Ливерпуле. Ударник «Битлз» с 18 августа 1962 г. Лучшие сольные альбомы: «Ринго» (1973 г.), «Спокойной ночи, Вена» (1974 г.), «Лучшие песни Ринго Старра 1976–1983» (1989 г.). В 1974 г. участвовал в постановке рок — оперы «Томми» английской группы «Ху». После распада «Битлз» много снимался в кино. Фильмы: «200 мотелей» (1971 г.), «Слепец» (1971 г.), «Рожденный играть буги» (1972 г.), «Вот это будет день» (1973 г.), «Листомания» (1975 г.), «Пещерный человек» (1981 г.), «Передайте привет Броуд — стрит» (1982 г.).

27

Штокхаузен Карлхайнц, р. в 1928 г. Немецкий композитор и музыкальный теоретик, один из наиболее ярких представителей современного музыкального авангардизма. В 60–е годы активно использовал в своих произведениях электронные инструменты, различные технические приспособления, восточные мотивы. Сочинения: «Перекрестная игра» для ансамбля (1951), «Пение «отроков» для 5 магнитофонов (1956), «Группы» для 3 оркестров (1957), «Моменты» для сопрано, 4 хоров и ансамбля (1961), «Телемузыка» для магнитофона (1966), «Спираль» для солиста и коротковолнового приемника (1969), «Звучание звезды» парковая музыка для 5 групп, (1971), «Сириус» для сопрано и ансамбля (1977). В 1978 г. в Италии состоялся Международный конкурс композиторов имени Штокхаузена

28

6 августа 1966 г. тридцать американских радиостанций бойкотировали записи «Битлз». Правительство ЮАР запретило транслировать песни ансамбля в стране. Этот запрет действовал вплоть до распада «Битлз» в 1970 г. Однако и после его отмены трансляция песен Джона Леннона в Южной Африке была запрещена

29

Последнее гастрольное турне «Битлз» (по США и Канаде) проходило с 12 по 30 августа 1966 г. Последний концерт группы состоялся в Кэндлэстик — парке в Сан — Франциско 29 августа 1966 г.

30

Убийце Леннона Марку Дэйвиду Чэпмэну из Атланты было тогда одиннадцать лет. Высказывание Леннона о христианстве повергло набожного поклонника «Битлз» в ярость. 8 декабря 1980 г. жизнь Джона Леннона трагически оборвалась от пуль религиозного фанатика

31

19 августа 1966 г. шесть Ку — клукс — клановцев пикетировали концерт «Битлз» в Мемфисе. Во время выступления ансамбля в зале «Колизей» в направлении сцены был произведен выстрел из ракетницы. На юге Соединенных Штатов члены ККК сжигали на своих ритуальных кострах пластинки и портреты музыкантов

32

Кеннеди Джон Фицджеральд (1917–1963 гг.), 35–й президент США (1961–1963 гг.) от демократической партии. Убит 22 ноября 1963 г.

33

Уайльд Оскар (1854–1900 гг.) Английский писатель. Автор философского романа «Портрет Дориана Грея» (1891 г.), комедий «Веер леди Уиндермир» (1892 г.), «Идеальный муж» (1895 г.), «Как важно быть серьезным» (1899 г.); автобиографической поэмы «Баллада Редингской тюрьмы» (1898 г.)

34

Брандо Марлон, р. в 1924 г. Американский актер кино и театра. Снимается в кино с 50–х годов. Фильмы: «Трамвай, называемый Желание» (1951 г.), «Да здравствует Сапата!» (1952 г.), «На набережной» (1954 г.), «Безобразный американец» (1963 г.), «Танго в Париже» (1972 г.), «Крестный отец» (1972 г.), «Апокалипсис сегодня» (1979 г.). Неоднократно удостаивался премии Американской академии киноискусства и науки. В 60–е — 70–е годы активно выступал в защиту прав американских индейцев

35

Томас Дилан (1914–1953 гг.). Уэльский поэт. Писал на английском языке. Для творчества Томаса характерны философичность и образность. Сборник «Смерти и выходы» (1946 г.), автобиографическая повесть «Портрет художника — молодого пса» (1940 г.). Поэзия Томаса имела сильное воздействие на рок — музыкантов, неслучайно его имя в качестве своего литературного псевдонима избрал Боб Циммерман (Дилан)

36

Хаксли Олдос (1894–1963 гг.), английский писатель, автор романов «Желтый Кром» (1921 г.), «Шутовской хоровод» (1923 г.), «Контрапункт» (1928 г.), «Гений и богиня» (1955 г.), «Остров» (1962 г.). Лучшим произведением Хаксли считается антиутопия «О дивный новый мир» (1932 г.), в которой дана яркая характеристика дегуманизации и стандартизации жизни в технократическом обществе

37

Брюс Ленни. Американский комик, который в своем творчестве обличал политиканов. Один из кумиров западной молодежи 60–х годов. В 1966 г. покончил жизнь самоубийством, приняв сильную дозу наркотика. В августе этого года ансамбль «Битлз» участвовал в телевизионной программе «Эн — Би — Си» «LENNY BRUCE VARIETY HOUR», посвященной памяти артиста

Произведения Хаксли имели острую критическую направленность в отношении буржуазного общества, что вызывало полярную реакцию у читателей. Естественно, заявление «битлзов» о их симпатиях к творчеству Хаксли могло отрицательно сказаться на имидже и популярности ансамбля. Поэтому менеджер «Битлз» Брайан Эпстайн запрещал музыкантам в начале их карьеры вести вольные беседы на столь злободневные темы

39

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883 гг.), русский писатель, член — корреспондент Петербургской Академии Наук (1860 г.). В произведениях Тургенева отразились противоречия и духовные искания представителей различных социальных групп русского общества 40–х — 70–х годов XIX века. Творчество писателя оказало огромное влияние на развитие русской и мировой литературы. Соч.: Цикл рассказов «Записки охотника» (1847–1852 гг.), романы «Рудин» (1856 г.), «Дворянское гнездо» (1859 г.), «Накануне» (1860 г.), «Отцы и дети» (1862 г.), «Дым» (1867 г.), «Новь» (1877 г.), повести «Ася», «Вешние воды» (1872 г.); «Стихотворения в прозе» (1882 г.). В 60–е годы XX века западная молодежь, «заново» открыв для себя русскую классику, проявляла значительный интерес к литературному наследию Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. С. Тургенева

40

Антониони Микеланджело, р. в 1912 г. Итальянский кинорежиссер, классик мирового кинематографа. Фильмы: «Крик» (1957 г.), «Приключение» (1959 г.), «Затмение» (1962 г.), «Красная пустыня» (1964 г.), «Забриски — пойнт» (1970 г.), «Профессия — репортер» (1975 г.), «Идентификация женщины» (1982 г.). Обладатель премий Международных кинофестивалей в Венеции, Локарно, Канне

41

Оно Йоко, р. 18 февраля 1933 г. в Токио. Японская художница, поэтесса, музыкантша. В 50–е годы переехала в США. Вместе с представителями американского авангардного искусства Джоном Кейджем, Максом Эрнстом, Энди Уорхолом участвовала в постановке хэппенингов. 20 марта 1969 г. вышла замуж за Джона Леннона. В конце 60–х — начале 70–х годов Джон и Йоко участвовали в различных акциях протеста против войны во Вьетнаме, нарушений прав человека в Северной Ирландии и США. Большую часть своих сольных альбомов Леннон записал вместе с Йоко Оно. После гибели Джона благодаря усилиям Йоко были выпущены несколько пластинок с записями ее покойного мужа. В 1987 г. Йоко Оно приезжала в нашу страну

42

Джон Леннон познакомился с Йоко Оно на выставке ее работ в галерее «Индика» в ноябре 1966 г.

43

Хендрикс Джими, р. 7 ноября 1942 г. в городе Сиэттле (штат Вашингтон). Легендарный гитарист — импровизатор, участник рок — фестивалей в Монтре, Вудстоке и Денвере. Умер 18 сентября 1970 г. в Лондоне от избыточной дозы наркотика

44

Клэптон Эрик, р. 30 марта 1945 г. Английский гитарист, певец, композитор. В 60–е годы играл в составе ансамблей «Ярдбердз», «Крим», «Блайнд Фэйт». Прославился высокой техникой исполнения блюзовых композиций. В 1968 г. Клэптон участвовал в записи песни Джорджа Харрисона «WHILE MY GUITAR GENTLY WEEPS», исполнив ведущую гитарную партию. Выпустил большое число сольных альбомов, выступал на многих рок — фестивалях

45

Таунсенд Пит, р. 19 мая 1945 г. Композитор, гитарист, лидер английского ансамбля «Ху». Написал музыку к рок — операм «Томми» (1969 г.), «Квадрофения» (1974 г.) и многим кинофильмам

46

Английская музыкальная газета

47

Айфилд Фрэнк, р. 30 ноября 1936 г. в Ковентри. Популярный в первой половине 60–х английский певец, исполнитель баллад. «Битлзы» использовали его вокальную манеру исполнения в своих ранних песнях «PLEASE PLEASE ME» и «FROM ME TO YOU»

48

Отец Пола Джим Маккартни умер в 1976 г.

49

Продюсером альбома был американский композитор и звукорежиссер Фил Спектор

50

Альбом «McCARTNEY» с вкладышем — интервью был выпущен в Великобритании 17 апреля 1970 г.

51

Клейн Аллен, р. 18 декабря 1931 г. Американский импресарио, менеджер «Битлз» с 3 февраля 1969 г.

52

Это произошло 31 декабря 1970 г. и означало окончательный распад «Битлз»

53

Английский певец, исполнитель поп — песен

54

Маккуин Стив (1930–1980 гг.), наст. имя Теренс Стивен. Американский киноактер. Фильмы: «Великолепная семерка» (1960 г.), «Большой побег» (1963 г.), «Малыш, дождь должен пойти» (1965 г.), «Дело Томаса Крауна» (1968 г.), «Буллит» (1968 г.), «Побег» (1972 г.), «Мотылек» (1973 г.), «Ад в поднебесье» (1974 г.), «Том Хорн» (1980 г.), «Охотник» (1980 г.)

55

Марвин Ли, р. 19 февраля 1924 г. Американский киноактер. Создал на киноэкране образ антигероя. Фильмы: «Убийцы» (1964 г.), «Корабль глупцов» (1965 г.), «Профессионалы» (1966 г.), «Грязная дюжина» (1967 г.), «Ад в Тихом океане» (1968 г.), «Человек клана» (1974 г.), «Кричи на дьявола» (1976 г.), «Смертельная охота» (1981 г.). В 1965 г. получил «Оскар» и приз Международного кинофестиваля в Западном Берлине за исполнение роли в комическом вестерне «Кэт Бэллу»

56

Хемингуэй Эрнест Миллер (1899–1961 гг.). Американский писатель. Романы «Фиеста» (1926 г.), «Прощай, оружие» (1929 г.), «По ком звонит колокол» (1940 г.), повесть «Старик и море» (1952 г.). Лауреат Нобелевской премии в области литературы (1954 г.)

57

Мать Пола Мэри Маккартни умерла 31 октября 1956 г.

58

Леннон Шон, р. 9 октября 1975 г. в Нью — Йорке, младший сын Джона Леннона. Унаследовав от родителей способности к музыке, Шон делает первые шаги в творческой карьере. В 1991 г., когда шла война в Персидском заливе, Шон записал знаменитую песню своего отца «GIVE PEACE A CHANCE»

В данном случае Пол ошибается. В 1980 г. в своих последних интервью Джон подробно рассказал читателям о методике воспитания сына. Эта тема получила воплощение и в песне Леннона «BEAUTIFUL BOY» на пластинке «DOUBLE FANTASY»

60

Фильм американского режиссера Артура Пенна «Маленький большой человек» был снят по одноименному роману Томаса Бергера в 1970 г. Нетрадиционный вестерн, в котором правдиво показана политика геноцида правительства Соединенных Штатов в отношении индейцев на примере военных операций генерала Кастера против племени шайенов. Герой фильма — белый американец Джек Крэбб находит свое счастье среди свободолюбивых и живущих в единении с природой индейцев. Главную роль в фильме исполняет актер Дастин Хоффман

61

Джойс Джеймс (1882–1941 гг.), английский писатель; ирландец по происхождению. Один из видных представителей литературного авангарда. Соч.: Сборник рассказов «Дублинцы» (1914 г.), романы «Портрет художника в юности» (1916 г.), «Улисс» (1922 г.), «Поминки по Финнегану» (1939 г.)

62

Шекспир Уильям (1564–1616 гг.), английский драматург и поэт эпохи Позднего Возрождения. Соч.: Комедии «Укрощение строптивой» (1593 г.), «Сон в летнюю ночь» (1596 г.), «Много шума из ничего» (1598 г.), исторические хроники «Ричард III» (1593 г.), «Генрих IV» (1597–1598 гг.), трагедии «Ромео и Джульетта» (1595 г.), «Гамлет» (1601 г.), «Отелло» (1604 г.), «Король Лир» (1605 г.), «Макбет» (1606 г.), «Юлий Цезарь» (1599 г.), «Антоний и Клеопатра» (1607 г.), «Кориолан» (1607 г.), романтические драмы «Зимняя сказка» (1611 г.), «Буря» (1612 г.); «Сонеты» (1609 г.)

63

Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965 гг.), премьер — министр Великобритании в 1940–1945, 1951–1955 гг. До 1904 г. консерватор, затем либерал, с начала 20–х годов снова консерватор, один из лидеров консервативной партии. С 1908 г. находился на различных министерских постах: в 1910–1911 гг. — министр внутренних дел, в 1911–1915 гг. — морской министр, в 1919–1921 гг. — военный министр и министр авиации, в 1921–1922 гг. — министр колоний, в 1924–1929 гг. — министр финансов, в 1939–1940 гг. — военно — морской министр. В годы второй мировой войны правительство Черчилля пошло на союз с СССР в рамках антигитлеровской коалиции (соглашение 1941 г., договор о союзе 1942 г.), но открытие второго фронта в Европе всячески затягивалось (второй фронт был открыт США и Великобританией только 6 июня 1944 г. высадкой десанта в Нормандии (Северо — Западная Франция). После войны Черчилль стал одним из инициаторов начала «Холодной войны» (речь в Фултоне в 1946 г.)

Имеются в виду Уотергейтский скандал и репрессии республиканской администрации против участников движения протеста. Никсон Ричард Милхаус, р. в 1913 г., 37–й президент США в 1969–1974 гг. от республиканской партии. В 1953–1961 гг. вице — президент. В 1973 г. правительство Никсона было вынуждено подписать соглашение о прекращении военных действий и восстановлении мира во Вьетнаме. Выдвинул концепцию перехода от «эры конфронтации к эре переговоров». С 1972 г. участвовал в советско — американских встречах на высшем уровне. Расследование событий, связанных с противозаконными действиями «Комитета республиканской партии по переизбранию президента» в период избирательной кампании 1972 г. (попытка установить подслушивающее устройство в штаб — квартире демократической партии в отеле «Уотергейт» в Вашингтоне). Были вскрыты многочисленные нарушения законности (подкуп, угрозы, лжесвидетельство и др.) со стороны должностных лиц Белого дома. Президент Р. Никсон под угрозой обвинения в причастности к «Уотергейтскому делу» и привлечения его к ответственности в порядке импичмента в августе 1974 г. вышел в отставку

65

24 мая 1970 г. солдаты Национальной гвардии расстреляли студенческую антивоенную демонстрацию в университетском городе Кент, штат Огайо, убив четырех и ранив восемь человек

66

Дилан Боб, наст. имя Роберт Аллен Циммерман, р. 24 мая 1941 г. в Дулуте (штат Миннесота). Американский поэт, композитор и певец, автор многих песен протеста. Дважды приезжал в нашу страну

67

30 января 1972 г. английские парашютисты расстреляли мирную демонстрацию католического меньшинства североирландского города Дерри, убив тринадцать человек

68

Ирландская республиканская армия (ИРА) — политическое крыло партии Шиннфейн, выступает за вооруженный путь воссоединения Севера и Юга Ирландии. Вооруженные акции ИРА являются ответом на репрессивные действия английских войск, находящихся в Ольстере с 1969 г. За этот период было убито около 3 тысяч человек. В 1978 г. Европейский суд по правам человека в Страсбурге признал Великобританию виновной в нарушении прав человека в Северной Ирландии

69

Франко Баамонде Франциско (1892–1975 гг.), глава испанского правительства в 1939–1975 гг. В 1936 г. генерал Франко возглавил военно — фашистский мятеж против Испанской республики. Прийдя к власти, установил в стране диктаторский режим. Имел высшее воинское звание генералиссимуса

70

Столица Нигерии

71

Хоффман Дастин, р. в 1937 г. в Лос — Анджелесе. Звезда американского кино. Фильмы: «Выпускник» (1967 г.), «Полуночный ковбой» (1969 г.), «Маленький большой человек» (1970 г.), «Мотылек» (1973 г.), «Ленни» (1974 г.), «Крамер против Крамера» (1980 г.), «Тутси» (1982 г.), «Смерть коммивояжера» (1985 г.). Неоднократно награждался премией Американской академии киноискусства и наук

72

Пикассо (Руис) Пабло (1881–1973 гг.). Французский живописец, скульптор, керамист, испанец по происхождению, основоположник кубизма, многие произведения написаны в стиле неоклассицизма и сюрреализма

73

Азимов Айзек, р. в 1920 г., — Американский писатель и ученый. Соч.: «Я — робот» (1950 г.), «Конец вечности» (1955 г.), «Источники жизни» (1960 г.), «Царство солнца» (1960 г.), «Путь марсиан» (1964 г.), «Память все еще свежа» (1979 г.), «Неутраченная радость» (1980 г.)

74

Джексон Майкл, р. 29 августа 1958 г. Американский певец, выступает на сцене с детских лет, мировую известность завоевал в начале 80–х годов, снимается в кино

75

Костелло Элвис, наст. имя Диклен Макманус, р. 25 августа 1954 в Лондоне. Один из видных представителей британской «новой волны»

76

Кук Сэм, р. 22 января 1931 г. в Чикаго. Американский певец, получивший широкую известность в 50–60–е годы. Убит в Лос — Анджелесе в декабре 1964 г.

77

Плант Роберт Энтони, р. 20 августа 1948 г. в Бирмингеме. Вокалист английского ансамбля «Лед Зеппелин». После распада группы в 1980 г. выступает сольно

78

Коллинз Фил, р. 31 января 1951 г. Ударник и вокалист английской рок — группы «Генезис»

79

Имеется в виду неудачное выступление английской сборной на чемпионате мира по футболу в Мексике в 1986 г.

80

Блэкмор Ритчи (Ричард), р. 14 апреля 1945 г. Соло — гитарист английской рок — группы «Дип Перпл»

81

Кинг Мартин Лютер (1929–1968 гг.) Выдающийся борец за гражданские права черных в США. Баптистский пастор (1954 г.). Основатель организации «Южная конференция христианского руководства» (1957 г.). Лауреат Нобелевской премии Мира (1964 г.). Был убит расистами 4 апреля 1968 г. Ежегодно каждый третий понедельник января день рождения Кинга отмечается в Америке как национальный праздник

82

Робинсон Смоки, наст. имя Уильям, р. 19 февраля 1940 г. в Детройте. Американский певец, поэт, композитор

83

Тэтчер Маргарет (Хильда), р. 13 октября 1925 г. в Грантеме. Премьер — министр Великобритании в 1979–1991 гг. В парламент была избрана в 1959 г. В 1970–1974 гг. — министр просвещения и науки в правительстве Э. Хита. С 1975 г. — лидер Консервативной партии. В 1975–1979 гг. — лидер оппозиции. Находясь у власти, проводила политику неоконсерватизма, получившую название «тэтчеризм». В 1992 г. ушла в отставку

84

Рейган Рональд Уилсон, р. 6 февраля 1911 г. в городе Тампико (штат Иллинойс). 40–й президент США в 1981–1989 гг. от республиканской партии. По образованию экономист и социолог. С 1937 г. киноактер Голливуда. За 30 лет актерской деятельности снялся в 54 художественных фильмах. В 1942–1945 гг. служил в органах информации ВВС США. В 1947–1959 гг. шесть раз избирался президентом гильдии киноактеров — профсоюза артистов кино. В 1947 г. сотрудничал с комиссией палаты представителей конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности, долгие годы состоял тайным агентом ФБР. В 1967–1975 гг. — губернатор штата Калифорния (переизбирался в 1970 г.)

85

Колль Гельмут, р. 3 апреля 1930 г. в Людвигсхафене. Федеральный канцлер ФРГ, председатель Христианско — демократического союза (ХДС). Имеет степень доктора философии. Депутат бундестага с 1976 г., в 1976–1982 гг. — председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге. С 1 октября 1982 г. — федеральный канцлер ФРГ

86

Мао Цзедун (1893–1976 гг.). Китайский политический и государственный деятель, теоретик и практик казарменного социализма

87

Концерт состоялся в 1985 г. Его организатором был ирландский рок — музыкант Боб Гелдоф

88

Эпстайн Брайан, р. 19 сентября 1934 г. в Ливерпуле. Первый менеджер «Битлз» (с 13 декабря 1961 г.). Умер 27 августа 1967 г. от избыточной дозы снотворного

89

Ирландский ансамбль «У-2» существует с 1977 г. Одна из самых ярких рок — групп последнего десятилетия. Лучший альбом — «THE JOSHUA TREE» (1987 г.), продюсером которого был известный английский экспериментатор в области электронной музыки Брайан Эно

90

Бриттен Бенджамин (1913–1976 гг.). Английский композитор, пианист, дирижер. Мировое признание получили его оперы «Питер Граймс» (1945 г.), «Альберт Херринг» (1947 г.), «Сон в летнюю ночь» (1960 г.), оратория «Военный реквием» (1961 г.). В творчестве композитора национальные музыкальные традиции удачно сочетались с современными музыкальными средствами. В 60–е — 70–е годы трижды приезжал с гастролями в нашу страну

91

Магрит Рене (1898–1967 гг.). Бельгийский художник — сюрреалист

92

Тьеполо Джованни Батиста (1696–1770 гг.). Итальянский живописец, представитель венецианской школы

93

Встреча произошла в 1967 г.

Свадьба Пола и Линды состоялась 12 марта 1969 г.

95

Грант Кэри (1904–1986 гг.), наст. имя Арчибальд Александр Лич. Американский киноактер. Фильмы: «Она ему навредила» (1933 г.), «Подозрение» (1941 г.), «Только одинокое сердце» (1944 г.), «Дурная слава» (1946 г.), «Цель — Токио» (1946 г.), «Кризис» (1950 г.), «Гордость и страсть» (1957 г.). Специальный приз «Оскар» (1969 г.). После 1966 г. в кино не снимался

96

Гир Ричард, р. в 1950 г. Американский киноактер. Фильмы: «Дни жатвы» (1978 г.), «Янки» (1979 г.), «Клуб Коттон» (1984 г.), «Власть» (1985 г.), «Царь Давид» (1985 г.)

97

Стрип Мерил, р. в 1950 г. Американская киноактриса, награждалась премиями Американской академии киноискусства и наук. Фильмы: «Джулия» (1976 г.), «Манхэттен» (1979 г.), «Крамер против Крамера» (1980 г.), «Женщина французского лейтенанта» (1981 г.), «Влюбленные» (1985 г.)

98

Бах Иоганн Себастьян (1685–1750 гг.). Выдающийся немецкий композитор и органист, мастер полифонии. Творчество Баха оказало сильное влияние на музыку рок — групп «Дип перпл», «Йэс», «Генезис», «Юрайа хип», «Эмерсон, Лейк и Палмер», «Пинк Флойд»

99

Бердон Эрик, р. 11 мая 1941 г. Английский певец и композитор. В 1962–66 гг. лидер группы «Энималз», известность которой принес сингл «The House of the Rising Sun» (обработка английской народной песни). После распада «Энималз» выступал с «Нью Энималз», Джими Хендриксом, Энди Саммером и негритянской группой «Уор», неоднократно пытался реанимировать «Энималз»

100

Джоплин Дженис, р. 19 января 1943 г. в Порт — Артуре, штат Техас. Американская певица, признанная лучшей исполнительницей белого ритм — н–блюза. В 1966–69 гг. выступала с ансамблем «Биг Бразер Энд Зе Холдинг Компани», участница рок — фестиваля в Вудстоке 1969 г. Умерла 4 октября 1970 г. в Лос — Анжелесе от передозировки наркотиков